

18+

Виктор Каев

МУТЬ НА ГЛУБИНЕ

Виктор Каев
Муть на глубине

«Издательские решения»

Каев В.

Муть на глубине / В. Каев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-516688-3

Из открывшейся правой дверцы машины вышел рослый мужчина, несущий за плечевой ремень небольшую тёмную сумку. Молодой пошёл ему навстречу, и мужчина подал сумку ему за ремень. В темноте взвизгнула застёжка молния. Парень заглянул вовнутрь, посветил фонариком, легкомысленно усмехнулся, и, проговорил:— Давно бы так! И подхватив сумку, развернулся, чтобы идти прочь. В это время тот, кто оставался сзади, выхватив из багажника деревянную битку, размахнулся, и с силой ударил уходящего по голове.

ISBN 978-5-00-516688-3

© Каев В.

© Издательские решения

Содержание

1	6
2	11
3	18
4	22
5	26
6	31
7	37
8	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Муть на глубине

Виктор Каев

Удар в лицо был такой силы, что она от неожиданности упала на спину, хлёстко приложившись головой о пол. У неё сильно зазвенело в ушах. Она языком ощутила, что из разбитой губы потекло что-то солёное.

– Кровь, – отстранённо подумала она, – и, тронув разбитую губу, посмотрела на палец.

На нём и вправду была густая алая жидкость.

– Вот, гад! – мелькнула мысль, – Теперь на люди не покажешься.

И тут её захлестнула резкая вонь его пота и навалившаяся тяжесть мужского тела. Он рвал на ней одежду, и больно вдавливал в её промежность грубые пальцы. А когда она с омерзением осознала, что дальнейшее сопротивление бесполезно, голова у неё взорвалась от резкой боли внизу живота...

© Виктор Каев, 2020

ISBN 978-5-0051-6688-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Как всегда поутру, Никита медленно открыл глаза. Сквозь сон он услышал негромкое и ласковое квохтание курицы и многоголосый писк цыплячьего выводка, доносившийся со двора через распахнутое крохотное окошко «вышки». Он ещё немного полежал, глядя в дощатый потолок, оклеенный пожелтевшими газетами. Никита помнил, как ещё в детстве, много раз перечитывая эти старые статьи из «Правды» и «Сельской жизни», глядя на нечёткие фотографии, размещённые в них, он пытался представить себе жизнь этих людей, с их тогдашними заботами и переживаниями. Иногда это ему удавалось, и он уносился в своей фантазии в глубину лет.¹

Потянувшись, он откинул одеяло и поёжился от свежего и головокружительно чистого воздуха, струившегося через открытое окошко, затянутое сеткой от комаров. Потом он сел и опустил босые ноги со скрипучей пружинной кровати на старые некрашенные доски пола. Посидев так ещё чуть-чуть, он посмотрел в окошко.

Из него открывалась великолепная картина. Утреннее солнце высветлило яркое синее небо, и отбросило длинную тень от дома, накрыв ею часть двора. За просторным лугом, уходящим вниз к прозрачной быстрой реке, оно тронуло бережно своими тёплыми лучами верхушки деревьев соснового бора, раскинувшегося за ней вдаль. Над голубоватой лентой реки постепенно растворялись и исчезали зябкие клочья утреннего тумана. Никита нажал кнопку включения смартфона, ожил экран блокировки. На календаре было уже первое июля 2018 года, около пяти утра. Пора на пробежку.

Он встал с кровати и распрямил своё крепкое жилистое тело, почти упершись, при этом, головой в потолок. Слава богу, рост 187 сантиметров! Потом натянул плавательные шорты, майку-борцовку и старые кеды. Наклонив голову, он шагнул через низенькую, почти квадратную, дверь на засыпанный старым шлаком чердак, тихо захрустевший под его ногой. Чтобы мама не слышала внизу его шагов, он на цыпочках спустился по скрипучей деревянной лестнице в сени. По пути он отметил в, недавно пристроенном под лестницей, биотуалете. А затем сбежал по ступеням крыльца через мост, и распахнул дверь во двор.²

Его сразу же обдало свежим воздухом.

Выйдя, он оглянулся на свой старый дом. Сложенный его прадедом из толстых сосновых брёвен ещё лет сто пятьдесят назад на деревенской улице над косогором, дом выглядел на удивление крепким. Только немного просел дальний угол подклета. В палисаде высились три огромные кряжистые белоствольные берёзы, посаженные то ли дедом, то ли прадедом.³

Рослый, похожий на овчарку, чёрный пёс по имени Дозор радостно завертелся, натянув цепь и пытаясь положить лапы ему на грудь. Никита ласково потрепал его за ухо, и Дозорка заскулил от испытанного счастья.

Тихонько прикрыв за собой калитку, он ещё раз бросил взгляд на окна дома, а потом побежал.

Мимо по улице медленно шло, побрякивая боталами, деревенское стадо коров. Белоголовые, коричнево-пятнистые, красно-пёстрые, чёрные, они шли на пастбище, распространяя вокруг слабый запах коровьего навоза. Пастух, сопровождавший стадо, сонно сидел в седле гнедой лошадки.⁴

Никита, обгоняя его, негромко окликнул:

¹ Комната на чердаке

² Пространство между зимней и летней избой

³ Нижняя часть сруба, в которой устраивается конюшня и хранится инвентарь

⁴ Глухой колокол на шее у коровы

– Егорыч, с добрым утром!

Тот встрепенулся, очнувшись в седле, а увидев Никиту, отозвался:

– Никита Захарыч! Привет!

Сначала он побежал по пыльной обочине вдоль забора, связанного из жердей, потом свернул направо по тропинке, спустился по дну песчаного овражка вниз через луг, к реке Вель.

Он дышал полной грудью, ровно и глубоко, только в ушах гулко отдавался топот собственных ног. В его жёстких тёмно-русых, по-армейски коротко остриженных волосах, в которых уже выделялись высокие залысины, выступили крупные капли пота. Широкие скулы, прямой нос, крепкая шея придавали ему вид серьёзного бойца.

От бега по росистой луговой траве, наполненной ароматами полевых цветов, у него основательно намокли кеды.

Минут через десять тропинка привела его к реке, он повернул налево, вверх по течению, и бежал теперь вдоль низкого берега, поросшего густыми кустами ивняка, дыша свежим речным воздухом.

В прогалинах между ивами появился противоположный берег, близко подступавшие к реке домики села Возгрецовское, во дворах которых кое-где уже начинали копошиться его обитатели.

Недалеко от воды возвышался остов церкви Илии Пророка из почерневшего бруса, без креста на куполе. Он со школьных лет помнил, что её возвели ещё в 1756 году. А чуть дальше было старое кладбище, колокольня и двухъярусный купол кирпичной Вознесенской церкви. Она была моложе, 1805 года постройки. Правда, последние девяносто лет службы в них уже не велись.

Добежав до приметной развесистой ивы, он повернул обратно и не сбавлял скорости, пока вновь не достиг поворота к дому.

Неподалёку от этого места над поверхностью воды протянулись «лавы» сколоченные из двух жердей, стоящие на широко расставленных опорах. По ним можно было перейти на другой берег реки, придерживаясь за поручень.⁵

Здесь Никита остановился, сбросил с себя кеды, шорты и майку, отошёл в сторону от лав, шумно с множеством брызг бухнулся в быструю прозрачную воду, и спортивным кролем, красиво загребая руками, поплыл к другому берегу. На обратном пути он нырнул до самого дна, зацепил руками донный ил, и вокруг всплыло облачко зеленоватой мути, которая тут же унеслась вниз по течению.

Выйдя на берег, он обтёрся полотенцем, которое всегда брал с собой на пробежку, надел свои шорты и майку, и вновь побежал. Теперь уже вверх по косогору к дому.

Добежав, Никита в кабинке дворового душа почистил зубы и, глядя в маленькое зеркальце, подбрил уже немного отросшую тёмную бородку. Потом поднял над головой большое ведро с холодной водой и вылил его на себя. Отфыркавшись, он снова тщательно обтёрся, натянул заранее приготовленные шорты, и, сунув ноги в резиновые сланцы, пошлёпал в дом.

Пригнув голову, он шагнул в избу, и ощутил ласковое тепло от большого белого тела русской печи, возвышавшейся справа от входа и занимавшей почти четверть избы. Навстречу ему из своей спаленки вышла мать, улыбнулась, и негромко проговорила:

– Здравствуй, сынок. Что, пробежался уже?

Никита обнял её за плечи и, бережно чмокнув в лоб, ответил:

– Господи, мам! Как же у нас тут хорошо! Надышаться не могу!

– Давай-ка, завтракать! Я тебе шанежки, как раньше, напекла. Поди, отвык уже?⁶

⁵ Временный переход через реку, сколоченный из жердей с одним поручнем

⁶ Хлебобулочное изделие из пресного или дрожжевого теста

Мать открыла заслонку печи, широкой деревянной лопатой достала и сдвинула на шесток маленькие круглые сковородочки, в которых поднялись пышные и ароматные горячие шаньги.

7

Запах свежей выпечки густо наполнил комнату.

Связкой гусиных перьев она смазала их лопнувшие горбики взбитым яйцом.

Потом она переложила их в большое плоское блюдо, перенесла его на стол, и поставила туда же большую крынку с парным молоком.⁸

Никита спросил:

– Ты что, уже и за молоком сходила?

– Ну, да. Только что подоили.

Они расположились на широкой некрашеной пристенной лавке за большим семейным столом, и стали есть шаньги, запивая их ещё тёплым парным молоком.

Никита отлично помнил, как лет двадцать назад они сидели за этим столом все вместе: отец, мать, два старших брата – Виктор и Юрка, и он – Никита.

С тех пор случилось много бед! Отец, Захар Васильевич, механизатор в местном сельхозпредприятии – умер лет десять назад от рака лёгких. Сказалось постоянное курение, практически с детских лет. Старший брат, Виктор, служивший тогда в патрульно-постовой службе милиции в Архангельске, через пару лет после смерти отца погиб в перестрелке с бандитами. Средний, Юрка, снабженец на заводе металлоконструкций в Вельске, вечно мотался по командировкам, пристрастился к выпивке, и уже лет шесть, как не пережил инсульта.

Их осталось двое. Мама, Людмила Петровна Горбунова, всю жизнь проработала библиотекарем в малюсеньком деревенском клубе. Одиннадцать лет, как вышла на пенсию, которую ей насчитали в сумме чуть больше десяти тысяч рублей.

Она почти потеряла слух, и ей приходится пользоваться слуховым аппаратом. Собрала за свою жизнь целый букет заболеваний.

Но до сих пор ходит с тяжёлым плугом за лошадьё, когда вспахивает приусадебный участок под посадку картофеля. Потом закладывает его на зиму в погреб, там же квасит в бочонке капусту, расставляет на полках банки с помидорами и огурцами, разводит десятка полтора кур. Кроме маленькой пенсии, это и есть её пропитание.

Если не считать пятнадцать тысяч, которые вот уже лет пять ежемесячно присылает ей в поддержку Никита.

Никита в их семье – хоть, младшенький, но успешный. Он с золотой медалью окончил школу в Вельске. Сумел поступить на бюджетное место в Санкт-Петербургском университете и получить, спустя четыре года, диплом бакалавра юриспруденции. Отслужил год в армии. В том же университете окончил магистратуру.^{9 10}

Потом решил, как брат Витька, пойти в полицию. Теперь он служит старшим опером в уголовном розыске в одном из районных управлений в Питере.¹¹

Дома Никита не был года три. И вот, наконец, приехал: соскучился!

Закончив завтрак, Никита откинулся спиной на бревенчатую стену и, посмотрев задумчиво на мать, спросил.

– Ма! Как ты думаешь, не поменять ли мне работу?

Людмила Петровна встревоженно подняла на него свои голубые, как и у сына, глаза, и с сомнением ответила:

⁷ Площадка между устьем и топкой в русской печи

⁸ Сырой продукт, полученный после удоя в первые часы

⁹ Первая начальная степень высшего образования

¹⁰ Академическая степень высшего образования, квалификация

¹¹ Оперативный уполномоченный – должность в уголовном розыске

– А что, вдруг? Случилось что-то?

– Да, как сказать? – проговорил он, – Служба сволочная, конечно! Но прикипел уже. Да и платят ничего так, регулярно. Вот только, понимаешь, начальство – достало уже совсем!

Мать осторожно спросила:

– А куда же ты перейдёшь? Место уже приглядел, поди?

– Не знаю, – смущённо ответил сын, – нет, ещё. Может, в адвокатуру пойти? Или в частный сыск?

Мать помолчала немного, с сомнением глядя сыну в глаза, и потом спросила:

– А как же Ира твоя? Она не будет против?

Никита пожал плечами и ответил неуверенно:

– Не знаю. Пока не спрашивал.

Людмила Петровна осторожно исподлобья взглянула на сына:

– Никит, а о ребёночке вы с Ирой ещё не думали? Тебе ведь тридцать пять уже!

Он вздохнул, и ответил:

– Да как-то не получается пока!

Она не отставала от него:

– Ну, ты ведь хочешь маленького?

– Ну, да, – ответил он, – хочу очень.

– Так что же? – снова напирала мать, – Ира не хочет?

Он не стал врать:

– Ну, почему? Говорит, что хочет. Вроде, не получается пока!

– Плохо, – ворчливо проговорила мать, – ведь ей тоже уже за тридцать!

И она тяжело вздохнула:

– Никитка, я ведь уже старая совсем. Осенью семьдесят один стукнет. А внуков всё нет и нет. Нешто, так и не понянькаюсь?

Никита придвинулся к ней ближе и обнял мать за плечи:

– Ма, а хочешь, мы к тебе переедем? Брошу я свою чёртову службу.

Людмила Петровна взволнованно всхлипнула, встряхнув руками:

– Ой! Да как же это? Что это ты удумал? Ира же с тобой, поди, не поедет?

– Ничего, я её уболтаю, – не сдавался сын, – а, знаешь, я прямо сегодня мотанусь в Вельск! Узнаю, как там насчёт вакансий в ОМВД, или, может, в адвокатуре!

Спустя пять минут, поговорив с мамой ещё немного, Никита, встав из-за стола, перемыл тарелки и кружки.

А в половине восьмого засобиравшись на выезд, Людмила Петровна вышла его проводить.

В подклете, где стоял его бежевый «Тигуан», приобретённый недавно в кредит, обычно весь день стоял полумрак, и было очень тесно. Чтобы забраться в открытую дверь, и не порвать брюки, зацепившись за какой-нибудь гвоздь, ему приходилось буквально протискиваться вдоль машины. Наконец, он сел за руль, и, запустив мотор, аккуратно вырулил по косоугору во двор.

Мать отодвинула воротные жерди и махнула сыну на прощание рукой, когда он выезжал на дорогу. Несколько минут она ещё смотрела вслед его автомобилю, а потом вставила назад жерди ворот, и, ссутулившись, словно совсем уже старуха, и опустилась на лавочку под окном.

Дозорка, гремя цепью, подошёл к ней, и положил свою большую чёрную голову ей на колени, вздыхая и сочувственно заглядывая в глаза.

Она уже в который раз задумалась о том, что Ира, хоть и живёт довольно давно с Никитой, но их отношения, почему-то, так и не оформлены официально. Теперь про такие семьи говорят – сожители.

Разве она поедет за Никитой к ним домой? Это из Питера-то!

А ведь он к ней крепко привязан! Вот сейчас, всего третий день, как приехал, а уже скучает по ней. По всему видать!

Нет. Это желание переехать – просто от того, что работает на износ, всё на нервах! Устал. Да и меня жалеет, сердце рвёт между мной и Ирой.

Людмила Петровна, поймав Дозорку за оба уха, хорошенько потрепала его и вздохнула:
– Эх, ты! Дозо-о-орище!

2

Въезжая в город по Тракторной, Никита проехал мимо небольшой стелы с цифрой 1137, означавшей год основания Вельска.

Потом добрался до улицы Дзержинского, проехал мимо здания ЦУМа, с остеклением в четыре этажа, и, в конце концов, свернул на небольшую Набережную улицу.

Он ещё с детства помнил, что там было здание районной полиции.

Припарковав свою машину на стоянке, Никита поднялся по ступеням, открыл массивную входную дверь и, предъявив своё полицейское удостоверение, обратился к старшему лейтенанту в окошке дежурной части:

– Здравствуйте! Я бы хотел переговорить с начальником ОМВД. По личному вопросу.

Дежурный внимательно рассмотрел его удостоверение и, оценивающе взглянув на Никиту, уточнил:

– По личному? Сейчас спрошу.

Он набрал внутренний номер телефона и доложил кому-то о поступившей просьбе. Выслушав ответ, он кивнул, и сообщил Никите:

– Проходите. Второй этаж, кабинет 24, через приёмную.

Он нажал кнопку, раздался металлический лязг, и замок решётчатой двери открылся.

Никита поблагодарил дежурного, и шагнул в открывшийся вестибюль. Позади него дверь снова лязгнула, закрывшись.

На лестнице и в коридорах отдела шла своя жизнь. Ему то и дело встречались озабоченные своими делами полицейские в форме и сотрудники в штатском.

Никита поднялся на второй этаж и быстро отыскал дверь с номерами 23 и 24. Пониже номера висела табличка: «приёмная». Он постучал и вошёл. За секретарским столом, уставленным оргтехникой, сидела симпатичная шатенка лет пятидесяти в штатском жакете и белой кофточке с кружевным воротничком. Слева он увидел дверь с цифрой 24, на которой была куда более солидная табличка: «подполковник Жохов Геннадий Петрович начальник ОМВД».

Неожиданно эта дверь резко распахнулась, оттуда выскочил невысокий, с брюшком, и с глазами навывкате майор, нервно протирающий обширную лысину носовым платком, и бормочущий на ходу «Вот, хрень какая!». И он сразу, не глядя по сторонам, выбежал в коридор.

Никита сочувственно проводил его глазами, и поинтересовался у секретарши:

– Я из Питера. Моя фамилия Горбунов. Мне можно войти?

Та, с интересом скользнув по нему глазами, ответила:

– Проходите. Он Вас ждёт.

Никита постучал в дверь и услышал густой поставленный баритон:

– Войдите.

Он решительно потянул ручку на себя и вошёл.

Из-за большого стола на него в упор смотрел русоволосый с сильной проседью, по-армейски коротко стриженный, сероглазый, широкоплечий подполковник. Никита поздоровался, и привычно скользнул взглядом по столу. На нём было пусто и чисто, как и на столе Никиты в его служебном кабинете. «Родственная душа!», – подумалось ему. Несмотря на хрустальную пепельницу, стоящую на приставном столе, запаха табачного дыма он не почувствовал. Похоже, хозяин не курит.

Никита достал своё удостоверение и предъявил подполковнику.

Тот, как и дежурный старлей, внимательно его изучил. Затем снова твёрдо посмотрел Никите в лицо и указал на стул у приставного стола:

– Присаживайся, майор. Слушаю тебя.

Никита сел и коротко изложил ему суть своего вопроса:

– Я деревенский, «верхновский», из-под Вельска. Окончил Вельскую школу №91. Поступил в питерский университет, там получил диплом бакалавра юриспруденции. Отслужил год в армии. В том числе – девяносто суток в контртеррористической операции на Кавказе. Потом получил на юрфаке в том же Питере степень магистра. С тех пор уже семь лет служу в уголовном розыске УМВД по Адмиралтейскому району Санкт-Петербурга.

Никита вздохнул, и перешёл к сути своего вопроса.

Он проговорил:

– Моя мать живёт здесь под Вельском в старом деревенском доме. Она сейчас осталась совсем одна. В сентябре ей уже будет семьдесят один год. Она почти потеряла слух. У неё больные ноги. Короче, я хотел бы, если получится, перевестись к Вам в ближайшее время. Это как-то возможно порешать?

Подполковник, побарабанив пальцами по столу, задумчиво посмотрел на него, и заинтересовался:

– А что, собственная-то семья? Переезжать с кем думаешь?

– Ну-у, я живу с женщиной уже шесть лет. Правда, без регистрации. Детей пока нет.

– А что же не оформляете отношений?

– Ну, как-то всё не до того.

– А жильё в Питере есть?

– Есть. Служебная квартира. Но Ира – она питерская. Её родители там живут с детства. У них квартира большая. Мы, то – в служебной, то – у её родителей.

– Ну, понятно. Ты знаешь, майор, я бы тебя взял. Честно! Только вакансий у меня пока нет. Правда, одна, возможно, ожидается. Месяцев через шесть-восемь. Один из оперов грозит уйти. Может, тогда и сладим как-нибудь. Давай так! Вот тебе моя визитка. Позванивай через пять-шесть месяцев. Если срастётся, устроим перевод.

Никита взял у подполковника визитку, несколько расстроено повертел её между пальцами, а потом протянул ему свою:

– Возьмите и мою. Если что, звоните. Я буду готов.

Подполковник взял визитку, положил на стол, и встал.

Ростом он был почти как Никита, сантиметров сто восемьдесят пять. Чёрный мундир на нём сидел как влитой. Сорочка идеально белая. Жена, похоже, имеется, и за мужем ухаживает хорошо. Они пожали друг другу руки, и Никита оценил могучий жим начальника ОМВД.

Уже на улице, сев в машину, Никита взгрустнул. Что-то пошло не так, как хотелось. Подумав, он взял себя в руки, и достал смартфон. Пожалуй, в связи с таким ответом Жохова, надо было, не торопясь, поискать в Интернете информацию о частных детективах в Вельске.

Однако эти поиски ни к чему не привели. Ни детективного агентства, ни просто частных детективов в городе не оказалось. Да и откуда им взяться? Жителей-то здесь всего чуть больше двадцати тысяч. Эта публика здесь, наверное, если и бывает, то наездами, по случаю.

Нашлось лишь четыре-пять охранных предприятий, включая филиал областного государственного учреждения росгвардии, который защищал объекты, ставя их на пульте охраны. А в них, как известно, сыскных услуг не предоставляют.

Так, что? Пробиваться в адвокаты? Он просмотрел несколько адвокатских адресов, созвонился с частным адвокатским бюро «Дербин и партнёры – 2». Задал несколько вопросов. Потом поговорил с дежурным в Вельской коллегии адвокатов Архангельской области.

Стало ясно, что всё это тоже будет очень долго, к тому же, на свой страх и риск. Конкуренция большая, и начать зарабатывать сразу будет трудно.

И что же тогда делать? Может, в юрисконсульты пойти на какое-нибудь предприятие? Там хоть постоянная зарплата есть.

И он стал звонить по предприятиям и организациям. Набрал телефон Вельской лесоперевалочной компании, потом позвонил в Агропромснаб, в Вельскую КМТС, в Техноком,

в другие предприятия, но вакансий юристконсультов, к сожалению, там тоже нигде не было. Досадно!

Тогда, вздохнув, он решил, что разочаровываться ещё рано, надо просто подумать, и временно отложить поиски.

И он повёл машину через город, в сторону выезда на Тракторную. Выбирая дорогу, он увидел поворот в Школьный переулок и свернул туда. Ему, почему-то, пришло в голову заглянуть в свою школу, повидаться с учителями. Он там давно не был. Вспомнил, правда, что лето, каникулы. Учителя, скорее всего, в отпусках. Но, посомневавшись, решил всё-таки попробовать. Всё равно это было по пути домой.

Справа по маршруту движения он увидел знакомое трёхэтажное здание кремового цвета с белыми лепными розетками в простенках на фасаде. Говорили, кажется, что его построили ещё в 1955 году, но оно и до сих пор выглядело достойно со своими высокими двустворчатыми окнами и большим медальоном на фронтоне.

Никита оставил машину у ворот и, немного волнуясь, вошёл на школьную территорию.

Он не был здесь уже много лет. И у него возникло ощущение, словно здание и вся территория, в прошлом казавшиеся большими и просторными, основательно скукожились. Пройдя по центральной аллее, он сделал знакомые три шага по ступеням, и потянул ручку входной двери. Она поддалась, и Никита вошёл в вестибюль.

Ему навстречу из-за конторки встал помятый, видимо, придремавший, охранник, в мятой чёрной форменке, с надписью «охрана» на кармане, который спросил сипловатым голосом:

– Вы к кому?

– Скажите, – спросил Никита, – директор или кто-то из педагогов в школе есть?

– А Вы кто? – отозвался тот, – Документы есть какие-нибудь?

Никита достал полицейские корочки и, раскрыв их, показал охраннику.

– А-а! – с уважением вымолвил тот, – Директор здесь. Завуч тоже, и ещё учителя. Двое или трое. Проходите, товарищ майор. Вам показать, куда?

– Нет, спасибо. Я знаю.

Никита прошёл мимо поста, повернул налево и, пройдя метров пять, увидел открытую дверь директорской приёмной. Оттуда слышались два негромких голоса. Он узнал их сразу. Это разговаривали два завуча – Елена Сергеевна и Николай Васильевич.

Он постучал, и заглянул в приёмную. Да. Он не ошибся.

Николай Васильевич обернулся первым. Он выглядел сильно постаревшим. Несколько мгновений он смотрел через свои очки с сумасшедшей оптикой, не узнавая своего выпускника. Но потом выпучил глаза и охнул:

– Никита? Горбунов? Это ты? Ах, ты! Боже ж ты мой! Какими судьбами? Вот уж не ожидал!

Елена Сергеевна тоже обернулась и присоединилась к Николаю Васильевичу с шумными ахами и охами. Она тоже сильно изменилась, но узнать её было легко по её коронному выражению глаз, словно в них всё время светится улыбка.

Через несколько минут они, наобнимавшись, сидели вокруг стола секретаря, разговаривали и пили кофе.

Никита уже узнал, что Елена Сергеевна теперь стала директором, вместо Ирины Леонидовны, которая в прошлом году ушла на пенсию. А Николай Васильевич работал, как и раньше, завучем. Что вышли на пенсию трое учителей начальной школы, и учитель математики Нина Алексеевна. Что замены на математику пока не смогли найти. Что за все прошедшие годы в школу пришли всего два новых учителя: девушка-филолог и молодой парень – физкультурник. Но физкультурник уже «слинял».

Потом, и вовсе о грустном! Что два года назад умерла от рака школьный библиотекарь Татьяна Кирилловна. Что коллектив стареет. Что дети стали хуже. Работать стало тяжело. Особенно из-за новых требований федеральных государственных образовательных стандартов.

Кстати, девушка-филолог окончила эту же школу, только лет через пять-шесть после Никитино выпуска.

Разговор журчал неспешно и непрерывно. Когда кофе был уже выпит по второй чашке, за спиной Никиты раздался приближающийся цокот лёгких женских каблучков.

Он обернулся и увидел заглядывающую в приёмную симпатичную сероглазую девушку с шапкой курчавых пепельно-русых волос.

Она, не входя в приёмную, спросила:

– Елена Сергеевна, я сделала всё, что Вы просили. Мне уже можно домой?

Голос был – почти контральто. Увидев Никиту, она смущённо улыбнулась. Директор зашебетала ей в ответ:

– Вот Никита, познакомься. Это наша учительница русского языка и литературы Светлана Романовна. Она у нас уже три года, и очень неплохо работает. А вы, Светочка, познакомьтесь с нашим выпускником. Он раньше Вас окончил. Золотой медалист!

Никита встал и шагнул навстречу девушке, которая, по сравнению с ним, оказалась маленькой, чуть повыше его плеча.

Немного стусевавшись, она протянула ему правую руку и произнесла с улыбкой:

– Буторина Светлана. А я Вас помню.

Пожав её маленькую, но довольно крепкую руку, Никита ответил:

– Горбунов Никита. Простите, я Вас, кажется, тоже припоминаю. Но, вроде, не по школе?

Она смущённо улыбнулась:

– А я живу недалеко от Вашей мамы.

– Ага-а! Так мы из одной деревни, – обрадовался Никита, – а я-то, думаю, где я Вас раньше видел? Я, кстати, вполне мог бы подвезти Вас домой.

– Правда? Это было бы замечательно! – отозвалась Светлана.

И Никита, спустя какое-то время, распрощавшись с директором и завучем, направился со Светланой к выходу из школы, по-джентльменски пропустив её в дверях.

Через несколько минут они уже ехали в его кроссовере по улице Горького, потом – по Тракторной, к выезду из города.

Некоторое время они молчали. Потом Светлана задала дежурный вопрос:

– А Вы к маме в гости? Надолго?

Никита, немного подумав, ответил:

– Пока не знаю. Я, вообще-то, в отпуске. Но мама! Живёт совсем одна и ей трудно приходится. Без слухового аппарата и телефонный звонок плохо слышит. Мне тут сегодня мысль пришла, не пора ли уже в свой дом возвращаться?

«Tiguan» Никиты, выехав за черту города, нырнул в пологий спуск, затем взлетел на подъём.

От мелькания солнечного света между рыжих стволов сосен вдоль дороги рябило в глазах.

Светлана задумчиво, словно сама себе, проговорила:

– Да. Людмиле Петровне досталось. И мужа, и двух сыновей потеряла. Только Вы и остались у неё. А Вы по-прежнему в Питере живёте?

– Светлан, а может, давайте на «ты»? Земляки, ведь! Да и лет мне не так много, всего тридцать пять. Как? Не против?

Она улыбнулась и ответила:

– Не против. Так..., ты, правда, по-прежнему в Питере живёшь?

– Живу, ответил он, – вот только служба полицейская такая, что я этого Питера и не вижу толком.

– Так ты всё ещё полицейский? Как брат?

В ответ он кивнул головой.

За окном машины промелькнуло несколько домов слева и справа от дороги. Потом снова начался сосновый лес. Ещё через несколько минут кроссовер проскочил перекрёсток федеральной дороги «Холмогоры».

А ещё через три-четыре минуты появились первые домики их родной деревни.

Никита, подъезжая к дому матери, спросил:

– Свет, тебя к дому подвезти?

– Не надо, – ответила она, – мне же недалеко. Я сама дойду.

Никита, замедлив машину, поинтересовался:

– А ты мою маму-то часто видишь?

– Конечно, – сказала она, – моя бабушка до сих пор с ней дружит, как и раньше. Она у нас часто бывает. И бабушка к ней тоже ходит.

У ворот своего дома Никита затормозил. Светлана вышла и аккуратно закрыла дверцу.

С лавочки во дворе поднялась Людмила Петровна и зорко всматривалась в лицо девушки, выскользнувшей из машины её сына. Потом она вышла за калитку. Никита тоже высунулся из машины и, не выключая двигатель, махнул ей рукой:

– Мамуль, привет!

– Привет! Это кто с тобой? Светка Буторина, что ли?

Светлана поздоровалась, и, словно оправдываясь, проговорила:

– Мы с Никитой в нашей школе встретились, и он предложил меня с работы подвезти.

Людмила Петровна ответила:

– Предложил? Это да. Он у меня хороший.

Светлана простилась, и, взмахнув на прощанье рукой, заспешила к своему дому.

Мать, пропустив во двор машину сына, вновь вставила жерди в отверстия столбов. Аккуратно загнав машину задним ходом в подклет, Никита вернулся на лавочку к матери и сел рядом.

Дозорка радостно вертелся у его колен, поскуливая, и позвякивая цепью.

Обняв мать, Никита коротко рассказал ей про свою поездку: и о том, как был у начальника ОМВД, и как рыскал по интернету в поисках частных детективных агентств.

Потом, как обзванивал адвокатские конторы и предприятия, и как зашёл, на удачу, в свою школу повидаться с учителями.

Мать спросила:

– А Светка-то там, что ли, работает?

– Ну, да. Учителем русского и литературы.

– Вот ведь! А я знала, что она учительница. Но не знала, что в твоей школе.

– В моей. Она её и заканчивала. Только гораздо позже.

– Она хорошая девочка. А вот мужик у неё, считай, что никакой. Он то живёт с ней, а то не живёт.

– Это как?

– Да они вроде тебя! Живут – не расписаны. Он ездит на вахты, в Якутию, кажется. Разнорабочим. Месяцами его нет. Деньги, конечно, привозит. Потом приезжает, гуляет тут.

– Пьёт?

– Ну, а как же? Елена, бабка Светкина, жалуется. Говорит: что в отъезде, что здесь – считай, что его и нет. Да и денег Светке перепадает мало. Больше прогуливает. Я, говорит, их заработал! Имею право!

Никита покачал головой, вспомнив смущённый взгляд девушки, и спросил:

– А он не наш?

– Нет, не наш. Он из Вельска. Его родители где-то на Октябрьской в двух комнатке живут, толи на четвёртом, толи на пятом этаже. Да там и второй сын с ними живёт. Школьник ещё. Вот он сюда и прибился. Елена говорит: сначала думали, что строиться будут на их участке. Да, что-то никак.

И перейдя на другую тему, она спросила:

– Так, ты говоришь, работы, значит, не нашёл?

Никита отрицательно мотнул головой и добавил:

– Ну-у! В райотдел меня бы, пожалуй, взяли. Но нужна вакансия. А если она и будет, то не раньше, чем через полгода. В адвокатуре можно пристроиться, но это всё будет за свой счёт. И ждать надо месяца два-три. А потом ещё очень долго нарабатывать свой авторитет в судах. Да и адвокатов здесь в Вельске по разным конторам немало, как оказалось.

Помолчав, он добавил:

– Я думаю, что можно попробовать получить лицензию частного детектива. На это уйдёт месяца полтора и всего 7500 на оплату госпошлины. Правда, сначала мне надо будет здесь зарегистрироваться по месту жительства.

Мать задумчиво посмотрела на сына, и сказала:

– Это же надо этих, клиентов? А они будут ли? Как-то всё не очень надёжно.

И она ворчливо, но ласково заметила:

– Ты бы, может, не торопился пока? Уехать из Питера, конечно, легко. А вот тут потом получить нормальную работу, ой, как непросто. Да и Ира твоя, думаю, будет против.

Никита сочувственно посмотрел на мать:

– Ма! Ты пойми, я не хочу больше оставлять тебя одну. И это не обсуждается! А Ирина, она рано или поздно согласится. Ну, а если нет, то... Поживём какое-то время отдельно. Пусть думает. А я не уступлю!

– Нет, ну как же так? – всплеснула она руками, – А ей работа здесь найдётся ли? И, получается, если она сюда переедет, её родители будут брошены?

Но он был неумолим:

– Послушай, они у неё ещё хоть куда! Матери – пятьдесят шесть, отцу – около шестидесяти. Они вполне здоровы! Оба работают. Он – заведует кафедрой, профессор в морском техническом университете. Она – врач в крутой частной клинике. Есть у нас там такая: «Эстетик Альянс». Во-первых, они оба совсем не бедствуют. А во-вторых, там ещё одна дочка есть. Старшая. И тоже живёт в Питере, и хорошо обеспечена. А работу Ирине мы здесь подберём. Она же айтишница! Сейчас на них большой спрос! Короче, у Ирки нет никаких причин отказываться от переезда. Главное, было бы желание!

Мать недоверчиво покачала головой, вздохнула, а потом, опять сменив тему, спросила:

– А ты как сынок, насчёт того, чтобы картошку окупить?

Никита усмехнулся:

– Да, запросто!

– Тогда подымайся, и пошли в огород.

Мать с сыном встали, и отправились выбирать тяпки.

Работа с тяпкой в огороде – дело привычное, но нелёгкое. Никита, несмотря на свою хорошую физическую форму и прошлый деревенский опыт, устал довольно быстро.

Через полчаса заныла спина. Ещё через некоторое время он заметил на правой ладони пару набухающих мозолей.

Никита понял, что порядком отвык от деревенского труда. Но участок был большой, и надо было рыхлить его тяпкой ещё не меньше получаса. Хорошо ещё, грунт был – супесок, и легко рассыпался под ударами тяпки.¹²

А мама работала, не останавливаясь. И, хотя продвигалась вперёд медленнее сына, но окучила уже немало рядков.

Было жарко. Солнце палило нещадно.

По голой спине Никиты уже ручьями тёк пот. От каждого удара тяпкой поднималось облачко тонкой пыли.

Мать ушла с огорода пораньше. Надо было помыться и приготовить обед.

Никита потратил ещё уйму времени, чтобы доделать работу до конца, и тоже пошёл обмыться в импровизированную душевую.

Вода в большой стальной бочке, стоявшей сверху на душевой кабине, к полудню хорошо прогрелась, и горячие струйки душа отлично смывали вместе с мыльной пеной накопившуюся пыль. Наконец, был перекрыт кран душа и Никита промокнул себя полотенцем.

Ощущение свежести и чистоты разошлось по всему его телу.

Уже в избе мать, усмехнувшись, спросила у сына:

– Ну, что? Не передумал переезжать домой?

Никита сел на лавку и, опершись спиной на брёвна стены, ответил:

– Ты знаешь, я бы так работал и работал. Нет! Устал, конечно! Это да! Но на душе-то – хорошо!

– Ладно, – ответила мать, – поживём – увидим!

¹² Рыхлая почва, содержащая большое количество песка.

3

Светлана открыла калитку своего дома и быстрым шагом по дорожке прошла до крыльца. Войдя в избу, она услышала тяжёлый кашель бабушки, раздававшийся из спальни. Она заглянула к ней.

Елена Васильевна лежала на кровати, укрытая тонким одеялом. На её бледном морщинистом лице светились большие голубые глаза. Светлана поздоровалась и чмокнула её в щеку.

Елена Васильевна улыбнулась и проговорила:

– Уже вернулась? Что-то ты сегодня быстро? Пораньше отпустили?

Светлана присела на край кровати рядом с бабушкой.

– Это меня Никита Горбунов подвёз, – сказала она.

– Никита? Давно его не было! Решил всё-таки мать проведать? – спросила Елена Васильевна, – И где это ты с ним повстречалась?

– Он сегодня в школу заезжал, – ответила Светлана, – Хотел своих учителей проведать. Ба! Представляешь, он меня сразу и не вспомнил.

– Ну, а как ты хотела? Ты же ещё маленькая была, – рассудила бабушка, – когда он школу окончил и уехал. Он тебя, поди, взрослой и не видел.

– Нет, но он потом вспомнил! Не по школе, – уточнила Светлана, – а по соседству в деревне.

– Так, и чем он теперь занимается? – заинтересованно спросила бабушка, – Его мать говорила, он в милиции работает?

– В полиции, бабуль! В Питере. Он сейчас в отпуске, – ответила Светлана, – но говорит, надо возвращаться к матери. Ей одной уже трудно стало.

Елена Васильевна снова тяжело закашлялась, а потом сказала:

– Понимаешь, мы с дедом твоим, Николаем Алексеевичем, хоть вдвоём! Да ты рядом, помогаешь, чем можешь. А ей-то как? Мужики, кроме Никиты, все померли, либо погибли.

Она ещё раз тяжело кашлянула, и снова заговорила:

– И каково ей тут одной-то? Да ещё и оглохла почти! Так что правильно он думает! Пусть возвращается домой.

Светлана согласно кивнула, а потом, переключившись, спросила:

– А где деда?

Бабушка махнула рукой куда-то в сторону:

– Да-а, по дрова поехал. С Тимошкой Лисым да Ванькой Непряхиным. К вечеру только жду.

– Понятно, – сказала Светлана, вставая с бабушкиной кровати, – а ты, бабуль, обедала уже?

– Нет, не ела ещё, – ответила бабушка.

– Ну, так давай, я приготовлю что-нибудь! – предложила Светлана.

Елена Васильевна поморщилась, и с сомнением ответила:

– Да, что-то и не хочется, Свет! Мутит меня как-то.

Светлана продолжала ласково, но твёрдо настаивать:

– Ну, надо же питаться, бабуль! А то ты совсем исхудала.

– Ой, ладно! – Елена Васильевна снова закашлялась – Посмотри уже в кладовой! Там что-то оставалось от вчерашнего.

Светлана в ответ кивнула, и одобрила:

– Вот, и правильно!

Она вышла в холодную кладовую и проверила, что в доме осталось из съестных припасов. Заглянув под крышку глиняного горшка, она обнаружила там вчерашний грибной суп из боро-

виков. Вынесла его в избу вместе с нарезкой варёного картофеля, огурцов и помидоров. Через несколько минут накрыла стол. Разогрела суп на электрической плите. И потом, поддерживая бабушку под руку, привела и усадила её обедать.

Елена Васильевна зачерпнула из тарелки лишь четыре-пять ложек супа. Потом ещё немного поклевала овощи. Ей всё время мешал кашель. Светлана снова отвела её в кровать и присела в ногах. Через некоторое время бабушка задремала. Светлана с сочувствием смотрела на её по-стариковски чистенькое и благородное лицо.

Она очень надеялась, что сумеет поставить её на ноги. Пневмонию никак не удавалось долечить до конца. Шёл уже 15-й день лечения. Врач назначил бабушке уколы антибиотика. И сначала всё шло неплохо.

Но потом болезнь перешла в какую-то вялую форму. Теперь Светлана уже давала ей цефуроксим в таблетках. Но кашель всё ещё не проходил, и общая слабость не отступала.

Света встала и вышла в соседнюю комнату, тихонько прикрыв за собой дверь. Перемыв и прибрав посуду, она открыла ноутбук и пересмотрела почту на своей странице «В контакте».

Её парень Валера давно не обозначался на странице. Уже с месяц от него не было никаких новостей. Потом она ещё немного полазила по страницам своих друзей. В конце концов, Светлана захлопнула крышку ноута и отправилась во двор.¹³

Там за домом росло старое черёмуховое дерево. Оно оказалось всё усыпано гроздьями мелких чёрных ягод. Некоторые начинали уже немного вянуть.

Света взяла небольшой берестяной кузовок, привязала его к пояснице, и полезла на дерево. Солнце припекало очень сильно. Она минут тридцать обрывала ягодные гроздья, пока не набрала полный кузовок.

Можно было начинать варить варенье, и она вернулась в дом.

Там она приготовила всё необходимое. Промыла и перебрала ягоды, удалила плодоножки и листочки, проварила ягоды в воде, пока они не стали мягкими. Потом протёрла их через дуршлаг, убрав косточки и шкурки, а из сахара, воды и мякоти сварила сироп. Затем убрала кастрюлю с плиты, чтобы варенье немного остыло и постояло.

Где-то пропел телефонный зуммер на мелодию из «Деревни дураков». Это был её смартфон. Она не сразу его нашла, а найдя, увидела фото мамы, и тут же ответила:

– Да, мамуль! Слушаю тебя?

В трубке раздался голос матери:

– Привет, Светик! Как вы там? Как бабушка? Поправилась?

Света рассказала ей, как дела с бабушкиной болезнью, о том, что дед уехал сегодня с приятелями в лес за дровами, что она сейчас варит варенье из черёмухи. Пожаловалась она матери и на своего Валеру, который уже почти месяц не даёт о себе знать.

В конце своей тирады она жалобно спросила:

– Мам, а ты к нам не собираешься?

– Нет, Светик! Пока не получается, – ответила мать, – у меня на днях выход в море. На пару-тройку месяцев. Может, потом?

Её мать работала поваром, или, как говорят моряки – ходила коком, на морских судах.

– Жаль, – грустно сказала Светлана, – я соскучилась.

– А я то, как соскучилась! Ну, прости, Светик, – сказала мать, – кстати, тебе Серёжа привет передаёт.

Светлана, вздохнув, ответила:

– Спасибо.

Серёжа – это был её отчим. Он тоже ходил на торговых судах. Механиком. Родной отец Светланы тоже был моряком, но лет пятнадцать назад погиб в Белом море во время шторма.

¹³ Ноутбук.

Мать постаралась ещё немного успокоить дочку, но разговор так и закончился на щемящей ноте.

Светлана, отключив связь, со вздохом вернулась к приготовлению варенья.

Оно уже заметно остыло. Она поставила кастрюлю на очень слабый огонь и так варила его ещё некоторое время. Когда оно было готово, Светлана разложила его по баночкам, закатала жестяными крышками, а банки вынесла в кладовую.

Потом она занялась баней. Натаскала дров, разожгла и натопила печь. Дед вернётся – ему надо будет попариться.

За окнами уже начинало смеркаться, когда во дворе, заскрипев, открылись ворота, и раздался голос деда, понукавшего и охлёстывавшего вожжами уставшую лошадь. Она громко фыркала, переступая по двору коваными копытами, и тянула, скрипящую колёсами, подводу, тяжело гружённую толстыми сосновыми брёвнами. Светлана выбежала на улицу встречать деда. Надо было помочь ему разгрузиться.

Дед Николай выглядел очень уставшим, и она обняла и поцеловала его в колючую щёку.

Дед улыбнулся в ответ и спросил:

– Что, помочь хочешь?

– Конечно, – ответила она.

Позади Светланы стукнула дверь из дома, и раздался голос бабушки:

– Приехал, наконец?

– Приехал. Что-то я нынче устал сильно, – проговорил дед, – уработались с мужиками так, что аж руки трусятся.

Светлана заволновалась:

– Ба, зачем ты встала?

– А что же мне, уже и хозяина не выйти встретить? – ворчливо ответила Елена Васильевна, – Да и отдохнула я, вроде.

– Ну, ты хоть на лавочку присядь! – проговорила Светлана.

Дед Коля поддержал внучку:

– Точно, посиди немного. Я пока дрова разгрузу.

– Я помогу! – сказала Света.

Дед кивнул, и показал ей, как скатить брёвна с телеги.

Они отвязали верёвочные крепежи на правой стороне телеги. Дедушка размахнулся, и ударил обухом топора, чтобы выбить клин. Брёвна с тяжким звонким стуком покатались по траве. Николай Алексеевич, уже руками, сбросил и те, которые не скатились с воза сами.

Отдышавшись и отерев пот тыльной стороной ладони, он распряг и увёл уставшую лошадь в конюшню, напоил её и задал сена.

Вернувшись из конюшни, он присел рядом с бабушкой на лавочку и, посмотрев на Свету, спросил:

– А скажи-ка, внученька, банька-то готова?

– А как же! Я натопила, – с достоинством ответила Света.

– Ну, вот и умница, – Николай Алексеевич посмотрел на жену и спросил, – а ты со мной пойдёшь попариться?

– Да, ты чего, дед, – отозвалась та, – я же слабая совсем!

– И что? Давай прогреемся, – не уступал дед, – вдруг, поможет! Я тебя с веничком побаню.

– Ну, Коля, ты искуситель прямо! – покачала головой бабушка.

– А ну, Светка! – выдал дед поручение, – Принеси бабушке все причиндалы для баньки!

Света подскочила, сбегала в избу и принесла всё необходимое. И бабушка с дедушкой отправились в баню. Уходя, дед сказал:

– Ты, Светик, чаю нам крепкого приготовь, и варенья из сосновых шишек достань.

– Хорошо, – отозвалась та, и снова пошла в избу.

Первым делом она распалила самовар. Потом сходила в кладовую, поискала и нашла нужное варенье. А после этого уже накрыла на стол. Подумав, что дед, наверное, проголодался, она нарезала чёрного хлеба, тонюсеньких ломтиков сала, покрошила свежих овощей, положила в тарелку квашеной капусты и малосольных огурцов. Вынесла Светлана из кладовой и запотевший графинчик с водочкой.

Потом она вышла на крыльцо, присела на перила и стала ждать.

Минут через тридцать дверь баньки открылась, и оттуда выбрались дедушка и бабушка. Дед заботливо поддерживал под левый локоток Елену Васильевну и вёл её потихоньку к дому. Лицо бабушки светилось ярким румянцем. Света подбежала навстречу, и подхватила её под правый локоть.

Елена Васильевна выглядела довольной и, хотя её ноги неуверенно подрагивали, шагала вполне твёрдо.

Так они прошли в дом и устроились по лавкам.

Светлана налила им в чашки горячего чаю и подвинула бабушке хвойное варенье.

Дед налил себе стопку водки, выпил её, крикнув от души, и закусил маленьким отломленным кусочком хлеба, парой долек сала, малосольными огурчиками, да квашеной капустой. Поев, он тоже приложился к чашке с чаем.

И только закончив трапезу, старики расслабились, и потихоньку направились отдыхать в свою комнату.

А Светлана, провожая их взглядом, вдруг сообразила, что бабушка, кажется, почти не кашляет.

4

На следующий день часам к восьми утра Никита услышал издавна знакомые ему звуки, которые доносились со стороны двора Буториных. Там кто-то пилил дрова двуручной пилой.

Никита спросил у матери:

– А кто у тети Лены может дрова пилить? Они что, позвали кого-то?

– Не знаю, – ответила мама, – сходи сам, посмотри.

Никита вышел со двора, перешёл улицу, и по протоптанной тропинке пошагал к дому Буториных. Там действительно всю кипела работа: на рогатых старых козлах лежало толстое бревно. Дед Николай и Светлана, упершись левыми руками в это бревно, таскали туда-сюда большую двуручную пилу, которая звонко пела при движениях работников. А на лавочке сидела Елена Васильевна и наблюдала за процессом. По двору распространялся смолистый запах опилок.

– Здравствуйте. Бог в помощь! – сказал Никита, облокотившись снаружи на калитку, – Вам работник в помощь не требуется?

Дед Николай перестал тянуть пилу на себя, распрямился, и посмотрел, сощурившись, в его сторону.

– Это кто ж у нас такой помощник? Горбунов Никита, что ли?

– Угадал, дед Николай! Это я и есть. А что же вы никого не позвали в помощь? Я бы не отказал!

Светлана смахнула пот со лба. А Елена Васильевна с усмешкой сказала:

– Ну, здравствуй, сынок! А ты пилу тягать ещё не разучился?

– А Вы проверьте!

– Ну, заходи.

Никита распахнул калитку и, войдя во двор Буториных, крепко пожал руку деду Николаю. Потом он, приветливо кивнув Светлане, снял с себя борцовку, обнажив загорелый крепкий торс, и предложил ей посторониться. Почесав пальцами свою отрастающую бородку, и поплевав на ладони, он ухватился за рукоятку пилы и сказал:

– Я готов.

Дед Николай посмотрел на него хитрым глазом и негромко проговорил:

– Ну-ну!

Ухватив свою рукоятку, он плавно потянул пилу на себя. Никита ответил таким же плавным встречным движением. Пила равномерно заходила туда-сюда, оглашая окрестности весёлым звоном. Из распила обильно сыпались сосновые опилки. Скоро бревно было распилено, и тяжёлая чурка, отвалившись, гулко стукнулась о землю.

Николай Алексеевич одобрительно произнёс:

– Молодец! Не забыл!

Никита ногой катнул в сторону упавший тяжёлый чурбан, и они с дедом вместе поставили обрезок бревна на козлах так, чтобы было удобно пилить дальше. Пила снова ритмично и звонко запела. Минут через сорок все привезённые брёвна были распилены, и лежали во дворе большой кучей выше человеческого роста. Баба Лена увидев, что работники подустали и хорошенько вспотели, сказала внучке:

– Светик, ты бы кваску принесла! Они, чай, не откажутся. Верно же?

Оба работника согласно закивали головами, а Светлана быстро подскочила и скрылась за дверью в дом.

Дед Николай, присев на лавочку рядом с женой, заметил:

– А ты, парень, молодец! Навык не потерял! Я-то думал, ты не выдержишь, спасуешь! А ты – нет! Смог, однако!

Никита смущённо пожал плечами и ответил:

– Привычка к тренировкам! Я по три раза в неделю в спортзал хожу железо тягать, да ещё каждое утро пробегаю по десять километров.

Скрипнувшая дверь дома выпустила на крыльцо Светлану с запотевшим глиняным кувшином и парой таких же кружек. Она подала кружки деду и Никите, налила в них квас, и они оба крупными жадными глотками выпили свои кружки до дна, обливаясь холодными струйками терпкого кваса.

– Николай Алексеевич, – спросил Никита, – а колоть дрова мы сегодня будем?

– А ты сможешь?

– Ну, хоть начать!

Дед рассмеялся:

– Да ты, брат, орёл, как я погляжу!

Светлана, пожалев Никиту, тихонько высказалась:

– Не надо, Никит! Ты же так упадёшь от усталости!

– Вот, ещё! – сосед не стал отступать, – Где у вас колун?

Дед Николай кивнул головой в сторону, где Никита увидел торчащий из большого старого пня колун. Он качнул его за длинную рукоятку и выдернул из пенька. Потом на пень приспособил свежераспиленный чурбан и, высоко замахнувшись, резко опустил колун. Чурбан развалился почти точно пополам, а половинки упали в стороны.

Дед Николай даже крикнул:

– Ух, ты как! Хорошо-о! Ну, гляди! Как устанешь – бросай. Не горит, чай!

Никита промолчал, поднял с земли и поставил на пень упавшую половинку.

Новый замах был таким же. Удар! И половинка развалилась до основания. И дело пошло.

Светлана усадила деда рядом с бабушкой, а сама стала подбирать и складывать только что порубленные дрова в поленницу.

Минут через двадцать Никита услышал со стороны калитки голос мамы:

– Эй, соседи! Вы что это? Дармового работника нашли? Он у меня вчера и так уже всю картошку окучил!

Елена Васильевна обернулась на голос и с улыбкой ответила:

– Здравствуй, Люсь! Хочешь, мы ему заплатим?

Людмила Петровна вошла во двор, негромко стукнув калиткой.

– Здравствуй, Лен! Привет, Коль! И ты, Света, здравствуй!

Никита, усмехнувшись, продолжил колоть дрова, резко с выдохом вонзая тяжёлый колун в обрез чурки.

Елена Васильевна решила остановить это дело:

– Ну, ладно! Никита, ты давай уже отдыхай. А то эдак, и впрямь тяжело.

Она встала с лавочки и пошла навстречу старой подруге. Они обнялись, и хозяйка повела гостью к крыльцу.

Людмила Петровна поинтересовалась:

– Ну, ты как, Лен? Здоровье, смотрю, получше?

– Ага. Немного полегчало. Кашель поменьше. Слабость отступила. Это всё Коля! Он меня вчера в баньку затащил. А потом чаю с шишковым вареньем. И, ты смотри, вроде отпускать начало!

Николай, сидя на лавочке, проговорил:

– Давно надо было так полечить, по-нашему, по-деревенски. А ты, Люсь, за сыном пришла?

– Да, нет! Так, просто. Полюбопытствовать: как вы тут поживаете? А то, мы что-то давненько не видались! Ты вот, Коля, глядь, уже и дрова на зиму запасать начал.

– Ну, это мне с Тимохой да Иваном по знакомству в лесничестве гиблого лесу отписали, как ветеранам, после того, как хороший украли.

И дед весело рассмеялся:

– Так бы я, как и все, поближе к зиме занялся. А тут, вишь, повезло: Никита твой в помощники пришёл. Мы бы без него долгонько проваландались!

Людмила Петровна бросила на сына тёплый взгляд и сказала, посмотрев на Елену Васильевну:

– Он, Лен, ты слышь, задумал домой возвращаться. Говорит, что мне тут одной плохо. Только ему, что же, службу бросать в Питере-то? Сорвать подружку свою сюда, в деревню?! Я думаю, это он горячится.

Елена Васильевна, грустно качнув головой, ответила:

– Слышала я. Мне Светланка моя сказала. Ну, не знаю. Я бы на твоём месте не спешила его отговаривать. Здесь ему, конечно, жить победнее будет. Только и тебе без него ведь никак уже нельзя. Разве не так? Мы уж с тобой, подружка, совсем не те девчата, что раньше!

И она невесело засмеялась.

Людмила Петровна присела рядом с Еленой Васильевной, помолчала, вздохнула, и ответила:

– Оно, конечно, так! Да, что же он, будет из-за меня себе жизнь нормальную поганить?

– Ну, почему это поганить? Может, у них с женой и тут всё сложится? Смотри, какой он у тебя работающий?!

А Никита тем временем подошёл к колодцу, вытащил из него ведро воды, отошёл к изгороди, наклонился, и вылил его на себя целиком, весело фыркая от наслаждения.

Светлана, догнав его, протянула лохматое полотенце. А он с удовольствием обтёрся насухо, и натянул на себя свою борцовку.

Потом они оба вернулись к крыльцу, и присели на лавочку: Никита – рядом с матерью, а Светлана – с бабушкой. Разговор стариков продолжался ещё какое-то время неспешно и негромко, словно ручей журчал. А молодёжь молча слушала, поглядывая на своих стариков.

Николай Алексеевич был не очень высок ростом и худощав. На его сухом морщинистом лице светились светло-серые глазки с хитроватым прищуром. Он, присев на обрезок бревна, достал из кармана пачку сигарет «Прима» без фильтра, вынул одну и размял её в своих жёлтых от табачного дыма пальцах. Чиркнув спичкой о коробок, прикурил, прищурился, выпустил изо рта серо-голубую струю крепкого табачного дыма, и спросил:

– Никит, а Никит! Ты там, в Питере до кого уже дослужился-то?

Никита взглянул на него, и, улыбнувшись, ответил:

– Старший опер уголовного розыска в одном из районных управлений.

– А по званию кто?

– Майор полиции.

– Майор! Ишь, ты! И как там тебя, уважают?

Никита задумался на секунду:

– Да, я, как-то, не спрашивал. Наверное! У нас там ребята нормальные, сработанные. Друг друга не подставляем. А что? Вы это к чему спросили?

Дед задумчиво выпустил ещё одну струйку дыма.

– К чему? Да к тому, что, если поспешишь с переводом, можно и ошибиться. Знаешь, как бывает? Народ вокруг, ты говоришь, хороший. А начальство? Так себе? Ты из-за начальников своих и уйдёшь со службы! А о ребятах своих потом жалеть не будешь?

Никита помолчал, отведя глаза в сторону. Четыре пары глаз смотрели на него с любопытством.

– А про начальство-то как догадались? Вроде, я и не говорил ничего! Только, не это главное. Просто, я и в самом деле хочу вернуться домой! Мой дом здесь! И поэтому, мне здесь очень хорошо!

5

Ночь была безоблачной, и убывающая луна светила очень ярко. Чёрные косые тени от неё ложились по земле. В застывшей тишине под мостом тихо журчала Вель, свинцово поблескивая мелкой рябью. Город Вельск лежал на берегу, словно чёрная яма, в которой острыми золотыми иглами выстреливали редкие точки фонарей.

Стоящий, облокотившись на свою машину, молодой парень услышал приближающийся звук автомобильного мотора, и увидел два ярких луча света. Тёмный кроссовер проехал немного дальше к мосту, и затормозил на обочине. Из открывшейся правой дверцы машины вышел рослый мужчина, несущий за плечевой ремень небольшую тёмную сумку. Молодой пошёл ему навстречу, и мужчина подал сумку ему за ремень.

В темноте взвизгнула застёжка молния. Парень заглянул вовнутрь, осветил фонариком, легкомысленно усмехнулся, и, проговорил:

– Давно бы так!

И подхватив сумку, развернулся, чтобы идти прочь.

В это время тот, кто оставался сзади, выхватив из багажника деревянную битку, размахнулся, и с силой ударил уходящего по голове. Раздался противный хруст, ноги несчастного вяло подкосились, и он рухнул на землю.

На следующий день Никита, как обычно, встал рано, чтобы опять сделать утреннюю пробежку. Правда, за окошком сегодня нахмурилось и заметно похолодало. Но он не стал отменять свой забег, а собрался и вышел во двор. Стадо коров уже миновало их двор, негромко побрякивая боталами.

Поздоровавшись, как обычно, с пастухом, он побежал дальше, привычным маршрутом к берегу реки. Потом снова направился вверх по её течению до старой ивы, и обратно.

Остановившись, как обычно, у поворота к дому, он немного поёжился, но всё-таки решился, быстро разделся и, громко вскрикнув, с разбегу прыгнул, разбрызгивая во все стороны воду, и отдуваясь.

Оказавшись в реке, он не ощутил воду слишком холодной и, энергично загребая руками, поплыл к дальнему берегу, после чего повернул назад к своему. Его мышцы сжимались и разжимались, согревая себя. Он сплёвывал холодную воду, чувствуя себя бодрым и сильным.

Приближаясь к своему берегу, Никита глубоко нырнул и, не обращая внимания на взбаламученную с песчаного дна зеленоватую муть, расслабил мышцы.

Двигаясь, словно торпеда, он плыл, открыв глаза, почти не перебирая ногами, и только ждал, когда сквозь спутанные водоросли он увидит приближающийся берег.

Внезапно он ткнулся руками во что-то массивное и тёмное на своём пути. Вытаращив глаза, он разглядел перед собой колыхающееся бледно-синюшное лицо утопленника с широко открытыми глазами, почему-то зависшего почти вертикально ниже поверхности воды, покачиваясь от быстрого течения.

Он вздрогнул и, вскрикнув от неожиданности, чуть не нахлебался воды.

Потом, опомнившись и устыдившись, попытался подтянуть утопленника к берегу, но это никак не получалось.

Было ощущение, что тело за что-то зацепилось на дне.

Никита вылез на берег, обтёрся полотенцем, подумал и набрал номер дежурной части полиции. Его продолжало немного колотить.

В трубке раздался голос дежурного по Вельскому ОМВД:

– Дежурный по отделу полиции старший лейтенант Селин. Слушаю Вас. Что вы хотите сообщить?

Никита, взяв себя в руки, твёрдым голосом сообщил:

– Я майор полиции из Питера Горбунов, нахожусь в отпуске у матери в деревне Ленино-Ульяновской. В районе нашей деревни в реке Вель десять минут назад я обнаружил тело утопленника. Моя попытка вытащить его из воды ни к чему не привела. Возможно – зацепился за что-то на дне.

Старший лейтенант Селин удивлённым тоном спросил:

– А что Вы там делали в такую рань, товарищ майор?

– Утренняя пробежка, заплыв, – сообщил Никита, – я это каждый день делаю. Вчера заплывал в этом же месте, но там ничего не было.

Селин сразу начал было строить догадки:

– Думаете, убийство?

Никита не поддержал гадание старшего лейтенанта:

– Ну, не знаю! Может, и нет! Это покажет следствие! Так, что прикажешь делать, старший лейтенант? Ждать вашу бригаду?

Старший лейтенант, осознав свой промах, произнёс:

– Ждите. Отправляю. Смотрите, чтобы там следы...

– Да, тут кроме моих следов никаких, вроде, и нет. Ладно. Жду.

Никита отключил связь и подумал, что надо бы предупредить маму. Выбрав номер, он услышал её голос:

– Да, сынок!

Извиняющимся тоном он проговорил:

– Мам, тут у меня происшествие! Я, заплывал через речку, а в воде на утопленника наткнулся. Представляешь? Вызвал полицию. Теперь надо их подождать, чтобы никто не натоптал тут.

Мать охнула, и потом ответила:

– Ты что же, вытащил его на берег? Не узнал его, кто такой? Молодой или старый?

– Да, вроде не старый, и, кажется, незнакомый, – ответил он, – только я его не смог вытащить. Он зацепился за что-то на дне.

– Сынок, ты там не продрогнешь? – заволновалась мать, – Ты же раздетый совсем. А сегодня похолодало!

– Ничего, мам! Всё нормально. Ты не переживай! – сказал Никита, – Я тут посижу, дождусь полицию, дам показания, а потом уже домой. Прости, мамуль! Завтракай без меня. Всё равно какое-то время ждать придётся.

Поговорив с матерью, Никита подумал, что надо бы ещё раз осмотреть берег в месте обнаружения тела.

Там действительно почти никаких следов, кроме отпечатков своих собственных кедов, накопившихся за четыре дня отпуска, он не заметил. Были, правда, отпечатки колёс какого-то автомобиля, ехавшего, видимо, вверх по течению реки. У него вызвало подозрение только то, что отпечатки этих колёс появились, судя по всему, минувшей ночью, или накануне вечером. Вчера утром их здесь не было!

Никита решил пройти по следу машины, пока не подъехала оперативно-следственная группа.

Ему подумалось, раз машина ехала вверх по течению реки, то интересно узнать, как далеко она прошла? Он прошагал метров четырёхста и увидел, что следы автомобиля повернули к деревне. Поднявшись до выезда на деревенскую улицу, он обнаружил, что там след колёс поворачивал налево, в направлении города.

Никита отправился туда же. И уже почти подойдя к своему дому, он увидел мать, которая смотрела на дорогу в сторону города на приближающиеся проблесковые маячки автомобилей полиции и скорой помощи.

Никита поравнялся с мамой, кивнул ей, и поднял правую руку. Машины остановились прямо у ворот его дома. Из полицейского УАЗа выпрыгнул крепкий светловолосый парень в штатском, немного моложе его, и спросил:

– Это вы нашли тело?

Никита, почесав свою отрастающую бородку, кивнул и подтвердил:

– Да, я. Поехали, покажу. Только я оденусь. Понятых будете приглашать?

– Ну, да.

Светловолосый обернулся к машине и позвал:

– Лейтенант! Обеспечь понятых.

Из машины вылез худощавый маленького роста лейтенант полиции, видимо, участковый, в новеньком мешковатом мундире, и трусцой заспешил искать гражданских.

Никита заскочил в дом, захватил удостоверение, полотенце, натянул джинсы и ветровку.

Когда он выходил из калитки, Людмила Петровна тронула его за рукав, пытаясь как-то успокоить сына. Никита улыбнулся ей и запрыгнул в полицейскую «буханку». ¹⁴

Полицейская и санитарная машины, свернули направо в мелкий овраг, спускающийся к берегу, переваливаясь на промоинах, отправились к месту обнаружения тела.

Рядом с Никитой в «буханке» уже сидели двое деревенских, похоже, откуда-то из середины улицы. Он их раньше, может, и видел, но помнил не очень. Фамилия мужчины лет пятидесяти была Дмитриев, а женщину все в деревне звали Клавдией, и ей было уже за шестьдесят.

Подъехав к реке, водители заглушили моторы. Прибывшие, распахнув двери, выбрались из машин.

Стояла тишина, какая бывает лишь рано утром. Было, хотя и холодно, но ветра почти не ощущалось. Слышно было только лёгкое журчание быстрой речной воды и пронзительный писк ласточек высоко в небе.

Трое полицейских и понятые вместе с Никитой подошли к воде. Санитары, худосочные, но жилистые мужики, в линялых спецовках скорой помощи, тоже вылезли из своей машины и сонно наблюдали за происходящим. Рослый полицейский с погонами сержанта, уточнив место обнаружения трупа, растягивал ленту ограждения.

Через несколько минут по колее, пробитой прибывшими машинами, с горы спустилась ещё одна. Это была «Lada Xray» белого цвета. Светловолосый обернулся и неторопливо шагнул навстречу. Пожав руку вышедшему из «Лады» высокому худощавому мужчине в штатском лет пятидесяти, он указал на Никиту и сказал, что это он нашёл тело в воде.

Худощавый подошёл вместе с ним поближе и поздоровался.

Никита спросил его:

– Вы следователь?

Тот, бросив на него короткий равнодушный взгляд, ответил:

– Следователь, следователь...

Светловолосый парень обратился к Никите:

– И где он?

– Здесь. Он за что-то зацепился на дне, – ответил Никита, – и я решил его без Вас не вытаскивать.

Подавал голос паренёк-участковый:

– И как же его доставать?

Никита пожал плечами и ответил:

– Я мог бы попробовать.

Светловолосый отозвался:

¹⁴ Автомобиль УАЗ – 452

– Мы, конечно, были бы признательны, но не положено. Нам придётся это сделать самим. Давай, Колян, раздевайся. Сегодня твоя очередь купаться.

Лейтенант, поёжившись, проворчал что-то невразумительное, но начал снимать с себя чёрный полицейский мундир, и аккуратно складывать его на траве у своих ног. Раздевшись до плавок, он уточнил у Никиты место, где нужно было искать утопленника, и осторожно полез в прохладную воду, отдуваясь и ухая.

Присутствовавшие люди молча наблюдали за происходящим.

Из полицейской машины вылез, потянулся и подошёл к месту действия ещё один невысокий мужчина, средних лет, в лёгкой курточке камуфлированной расцветки, с небольшим потёртым чемоданом.

Под ручкой чемодана Никита разглядел наклеенную надпись «криминалист».

Понятые тоже приблизились, смущённо топчась неподалёку. Подтянулись поближе и мужики из экипажа санитарной машины.

Колян, зайдя глубже, погрузился в воду с головой и почти сразу вынырнул, отплёвываясь и тараща глаза.

Светловолосый крикнул ему:

– Ну что? Есть?

– Ага. Есть.

– Его что-то держит?

– Похоже, да. Дайка мне ножик, Саш! Попробую его отцепить.

И он, прихватив с собой нож, отдышавшись и набрав в грудь побольше воздуха, снова нырнул. Секунд двадцать-двадцать пять в месте, где он нырнул, всплывали и с бульканьем лопались пузыри воздуха. Наконец вода, словно вскипев, расступилась и выпустила из глубины сначала голову Коляна, а затем тяжело булькнуло и всплыло тело утопленника. Участковый прибуksировал тело к берегу и, упёршись ногами, с трудом вытащил его на узенький песчаный участок между зарослями ивняка, после чего опустился на траву, почти рухнув рядом с ним. Он тяжело дышал, и с него ручьём текла речная вода.

Никита подошёл, и протянул ему полотенце. Тот кивнул, обтёрся и стал натягивать на себя свой чёрный лейтенантский мундир.

Мужчина в камуфляже, под придиричивым наблюдением следователя и светловолосого оперативника, тщательно осматривал тело утопленника. На его голове между спутанными тёмными волосами была видна большая глубокая рана. Других повреждений вроде бы не было. Утопленник был одет в чёрные джинсы и разодранную на плече клетчатую рубашку. Одна нога была обута в чёрный кожаный полуботинок, а на второй был съехавший тёмно-синий носок. Та нога, которая была обута в полуботинок, видимо, и зацепилась за что-то на дне.

Никита спросил участкового лейтенанта:

– И за что же он зацепился?

Лейтенанта всё ещё немного трясло, но он ответил уверенно:

– Да там железяка ржавая на дне. Что-то вроде обломка старой решётки. Её песком и илом затянуло.

Никита кивнул.

Светловолосый обратил своё внимание на Никиту:

– Ну, что? Решим с нашими формальностями? У Вас документы при себе? Покажите.

Никита предъявил ему своё питерское удостоверение. Тот глянул в него, уважительно хмыкнул, переглянулся со следователем и спросил:

– У Вас, майор, ещё вопросы остались? Пока вполне вероятна версия, что имел место несчастный случай. Но мы подождём, конечно, заключения экспертов.

Следователь, подойдя, тоже заглянул в удостоверение и спросил:

– Так Вы из Санкт-Петербурга? Опер? А здесь что делаете?

– Я тут родился и вырос, – усмехнулся Никита.

Потом, более жёстким тоном, он продолжил:

– Просто сейчас служу в Питере. Пока – в отпуске у матери. Я тут бегаю и плаваю каждое утро.

Потом он, почесав бородку, сделал строгое лицо и произнёс:

– Ну, с Коляном я уже сам познакомился. А вы, товарищи офицеры, мне представиться не хотите?

Следователь и светловолосый оперативник переглянулись.

Оба полезли в карманы за своими служебными удостоверениями и предъявили их в развёрнутом виде.

Следователь представился первым:

– Следователь Бураков Илья Владимирович, капитан юстиции.

Светловолосый оперативник дурашливо щёлкнул каблуками, подтянулся и, улыбнувшись, тоже произнёс:

– Оперуполномоченный Вешняков Александр Геннадьевич, капитан полиции. А осмотр тела ведёт Сергей Узкой – эксперт-криминалист.

Криминалист выпрямился, взглянул на Никиту, и проговорил:

– А меня, коллеги, послушать не хотите? Утонувший: мужчина лет тридцати – тридцати пяти. Физически крепкий. Судя по всему, он получил сильный удар по голове, ну или ударился при падении. От такой травмы должен был потерять сознание. Потом мог упасть или был сброшен в воду и утонул. Цвет кожи жемчужно-белый. На лице верхний слой кожи набух и сморщился. Видимо, утонул несколько часов назад. Никаких документов на теле нет. И вообще в карманах нет ничего. Особых примет нет. Вещи на нём обычные, не из дорогих. Личность установить сможем, если найдём в базах его отпечатки. Можно отправлять тело на вскрытие.

Никита спросил:

– А можно мне тоже его поснимать?

– Только недолго! – ответил эксперт.

Никита сделал несколько снимков и кивнул следователю, что он закончил. Тот переглянулся с оперативником и позвал санитаров:

– Ребята, забирайте тело.

Санитары уложили тело на носилки и, тяжело ступая, понесли его в свою машину, которая через минуту тронулась, развернулась и поползла от реки в сторону дороги на Вельск.

Ещё некоторое время эксперт с оперативником внимательно изучали следы автомобиля, оставленные накануне вечером, и фотографировали эти отпечатки.

Следователь закончил оформлять с понятыми протокол осмотра места происшествия, и отпустил их по домам.

Когда работа была завершена, машины отправились в обратный путь.

Никита доехал до дома матери вместе со следователем. Пообещал прибыть, если понадобится, махнул ему рукой на прощание, и пошёл в дом.

6

Часам к одиннадцати Никита устал ожидать, и решил, что ему всё-таки интересно знать подробности вскрытия тела. Надо было наведаться к судебно-медицинскому эксперту. Он поцеловал мать, и, забравшись в свой внедорожник, выехал в направлении города.

Никита помнил, что судебно-медицинская экспертиза находится в центральной районной больнице. Это по улице Конева, 28. Туда он и поехал.

Войдя на территорию ЦРБ, он обошёл главный корпус с тыла, и отыскивал нужную ему пристройку. Увидев вывеску «Бюро судебно-медицинской экспертизы» на серой стене силикатного кирпича, Никита вошёл в полумрак длинного коридора. Он сразу учуял знакомый запах формалина.¹⁵

По сторонам коридора было несколько дверей. На первой из них была привинчена табличка «Заведующий». Он постучал и заглянул в дверь. Там было маленькое помещение, освещённое холодным дрожащим светом люминесцентных ламп, с одиноким письменным столом, на котором светился монитор компьютера. В помещении никого не было. Никита прикрыл дверь и отправился дальше.

На следующей двери оказалась табличка «Секционная», и Никита заглянул туда. Тут, естественно, запах очень усилился. В просторном помещении под светом медицинского хирургического светильника над секционным столом склонился человек в очках, хирургической маске, медицинском костюме голубого цвета, хирургических перчатках, испачканных кровью, и большим, забрызганным кровью, клеёнчатом фартуке. Вдали были видны дверцы холодильных камер в два ряда.

Человек в фартуке обернулся и ворчливо рявкнул сквозь маску:

– Чего Вы хотели?

– Я хотел узнать, что с утопленником, – сразу же отозвался Никита.

Тот проворчал:

– Да, что ж такое нетерпение! Подождите минут десять. Я уже зашиваю.

Никита притворил дверь и стал ожидать. Через пять-семь минут он услышал звук едущего поддона-тележки для тел, а потом хлопок закрывающейся дверцы холодильной камеры. Ещё несколько минут он слышал звук водяной струи, которой патологоанатом обмывал секционный стол. Потом наступила тишина, и дверь «секционной» распахнулась.

Судмедэксперт вышел, уже в чистом халате, и вопросительно уставился на Никиту:

– Вы кто?

Никита, порывшись в карманах, предъявил своё удостоверение:

– Майор полиции Горбунов. Это я сегодня утром случайно обнаружил это тело.

– И что Вы хотите от меня, майор?

– Хотел бы знать результаты вскрытия.

– А при чём тут Вы? Обратитесь к следователю.

– Но я тоже оперативник, хотя здесь и на отдыхе. Понимаете, это же я его нашёл.

Судмедэксперт посмотрел на него устало, но потом всё же ответил:

– Ладно. Если коротко, этот человек не утонул. Он умер от удара по голове каким-то тяжёлым, возможно, деревянным предметом, вроде биты для бейсбола. Смерть наступила от часа до двух ночи сегодня. В воду его сбросили уже потом, примерно через час-два. По поводу этого парня могу сказать только одно: он был здоров, как космонавт, никаких патологических изменений в организме нет. Не пил, не курил, не употреблял наркотики. Вообще он похож на спортсмена, или на военного.

¹⁵ жидкость для сохранения анатомических препаратов

Он достал из кармана пачку сигарет «Парламент», вынул одну из них, и прикурил от про- стенькой газовой зажигалки.

Затем продолжил свой рассказ:

– Единственное, что его отличает: у него, где-то с год назад, был компрессионный пере- лом третьего и четвёртого поясничных позвонков. Учитывая состояние его костной ткани, это может быть результатом либо аварии, либо падения с высоты. А вот лечили его достаточно дорого: делали чрезкожную вертебропластику. Делали с ним это не позднее мая-июля про- шлого года. Это пока ещё не очень распространённая методика. У нас в стране её хорошо делают в Москве, Санкт-Петербурге и ещё двух-трёх городах.

– А что такое вер-теб-ропластика? – заинтересовался Никита.

– Ну, это, когда хирург с помощью специальной иглы осуществляет через кожу прокол тела позвонка и вводит внутрь пасту, состоящую из специальной смеси. Сразу же после окон- чания процедуры паста затвердевает. Очень быстрый результат! Если всё удачно, через два- три часа пациент уже может осторожно ходить. Методика ультрасовременная!

Он рассеянно стряхнул пепел от сигареты прямо на пол.

– Ясно, – сказал Никита, – Ну что ж, спасибо Вам за консультацию.

И он, пожав руку судмедэксперта, вышел из помещения бюро.

Теперь надо было поговорить с оперативниками.

И он, договорившись по телефону с Вешняковым о встрече, отправился на Набережную, 29, в ОМВД.

Кабинет уголовного розыска оказался тесным и душным даже в первой половине дня, несмотря на холод за окном. В нём почти вплотную друг к другу стояли три обшарпанных одно-тумбовых письменных стола, три тёмно-серых сейфа со следами многочисленныхпеча- тываний, несколько разнокалиберных кресел и стульев. На маленьких столах теснились пер- сональные компьютеры, мониторы, письменные приборы, перекидные календари, множество, набитых бумагами, толстых пластиковых папок.

За одним из столов Никита увидел знакомую белобрысую голову капитана Вешнякова, который уставился в монитор, и одним пальцем тюкал в клавиатуру компьютера.

На сейфе, стоявшем слева от него, красовался, прислонившийся к стене, большой и довольно пыльный портрет председателя ВЧК Феликса Дзержинского, когда то написанный в технике «сухая кисть».

За соседним столом перед открытым ноутбуком сидел молодой худосочный парень в мод- ной рубашке в мелкую голубую клетку, поверх которой была надета наплечная кобура с торча- щей из неё рукояткой пистолета. На спинке его кресла-вертушки висела тонкая светло-серая толстовка. Принтер на его столе с рычанием выплюнул последний печатный листок, и парень весело сказал:

– Готово, товарищ капитан!

Вешняков поднял голову, увидел входящего Никиту, встал из кресла ему навстречу и проговорил:

– А-а! Майор! Заходи.

Молодой сотрудник с любопытством посмотрел на Никиту. А тот, поздоровавшись с ним за руку, и, кивнув Вешнякову, спросил:

– Ну, что? Какие новости?

– Пока никаких. Установить личность не удаётся. Ясно только, что его отпечатков в наших базах нет, и никто пока не заявлял о пропавшем родственнике.

Никита опустил на приставной стул у стола Вешнякова, помолчал и сказал:

– Я, только-что, из вашего бюро судмедэкспертизы. Эксперт подтверждает, что его сна- чала ударили каким-то тяжёлым деревянным предметом, вроде бейсбольной биты, по голове.

От этого удара он и умер. Это было от часа до двух сегодняшней ночи. А потом, ещё примерно через час, уже мёртвым, его сбросили в воду. Так что, это точно убийство.

Местные оперативники переглянулись. На их лицах отразилось некоторое уныние.

Вешняков нахмурился и сказал:

– Вот, блин! Значит, всё-таки, у нас убийство. И кто же он такой? Судя по одежде – не бомж.

Никита продолжил своё сообщение:

– Ещё судмедэксперт сказал, что этот парень примерно год назад получил компрессионный перелом позвоночника. Это было, возможно, в результате аварии или падения с высоты. Так вот, ему сделали довольно редкую и дорогую операцию: называется – вертебропластика. Такие манипуляции у нас качественно делают только в Москве, Питере, и ещё в двух-трёх городах. И стоимость её – недешёвая. Я думаю, что можно попробовать обзвонить клиники, где этим занимаются. У них же есть учёт? Возможно, повезёт.

Вешняков задумчиво проговорил:

– Ну, да. Возможно.

А потом, скосив глаза на своего молодого коллегу, добавил:

– Ну что, Игорёк! Берись за это! Узнай, где именно такие операции делают. Запроси списки прооперированных больных с мая прошлого года. Начни с Москвы, я думаю. Глядишь, фамилия знакомая попадётся?

Игорёк вытаращил на него свои голубые глаза и ответил:

– Так это ж сколько возиться!

Вешняков нахмурил брови:

– Цыц, салага! Не пыли! Ты где служишь? В уголовном розыске? Вот и разыскивай. Ничего. Соберёшь списки, а там поглядим.

Никита задумался. Он понимал, что эта работа может оказаться напрасной. Если погибший окажется приезжим, то всё может быть зря. И он сказал:

– На всякий случай надо бы распечатать фотографии пострадавшего для возможного опознания. Вдруг, кто-то заявит о пропавшем родственнике! Или потом придётся опознавать людей, прооперированных в больницах.

– Да, мы уже распечатали снимки. Это как «дважды два».

И Вешняков указал пальцем на стопку цветных отпечатков, которые на край его стола только что положил Игорёк.

Никита кивнул головой:

– А-а! Ну, тогда – норм!

Он встал, пожал операм руки, и вышел из ОМВД.

«Tiguan» неторопливо катился по улице Гагарина, а Никита размышлял об утреннем событии. Ему не давали покоя следы автомобиля на берегу. Он отлично помнил, что вчера утром этих следов ещё не было. Они, конечно, могли появиться и позже днём. Но уж очень странно было, что они вели со стороны Вельска и прямо в деревне вновь выезжали назад в город. Надо бы ещё раз осмотреть эти следы там, где они тянутся по берегу. Были или нет остановки вдоль берега?

Никита свернул вправо на Пушкинскую.

Проехав метров пятьсот, он увидел остановку городского автобуса и пару женских фигур на ней. Подъехав ближе, он узнал в одной из женщин Светлану Буторину, и притормозил.

Приоткрыв дверь, он высунулся и позвал:

– Светлана! Ты, случайно, не домой?

Та обернулась, увидела его и, обрадовавшись, кивнула:

– Да, домой. Подвезёшь?

– Конечно, садись.

Он смотрел, как она грациозно шла к машине.

Серые большие глаза, курчавые пепельно-русые волосы по плечам, длинная шея, стройная фигурка. На ней был надет тёмный кремовый жакет, из-под которого выглядывал свитер лимонного цвета. На стройных ножках, обтянутых чёрными джинсами, по молодёжной моде обуты белые кроссовки.

Хлопнув негромко дверцей, она устроилась рядом с ним и, не торопясь, пристегнула ремень безопасности.

Бросив на него свой сдержанный строгий взгляд, она сказала:

– Я готова. Поехали?

Он усмехнулся. Девушка была очень обстоятельна и выдержана. Видимо, это было в её характере.

Машина тронулась, и он спросил:

– А что так рано домой?

Она пожала левым плечиком:

– Сказали, что сегодня больше делать особо нечего.

На некоторое время они замолчали.

Мимо окна машины мелькал довольно скучный городской пейзаж Вельска.

Не очень ухоженные дороги и тротуары, множество старых частных домов, в том числе – ещё бревенчатых. Время от времени в окне машины проплывали невыразительные серые пятиэтажки советской постройки с разномастно закрытыми и утеплёнными балконами. Изредка встречались более своеобразные, видимо, недавно построенные, административные или торговые здания.

Немного помолчав, она спросила:

– А что там случилось сегодня на берегу? Зачем полиция приезжала?

Никита вздохнул:

– Представляешь, я же каждое утро делаю пробежку и плаваю через речку. А сегодня, так вышло, что я наткнулся в воде на тело утопленника. Мрак! – он передёрнул плечами, – Пришлось вызывать полицию.

Она, похоже, представила себе этот эпизод, вздрогнула, и посмотрела на него встревоженно:

– И кто там оказался? Кто-то из нашей деревни?

– Ну-у, понятия не опознали, – ответил он, – кто-то чужой, видимо.

Светлана помолчала и потом проговорила:

– Не повезло кому-то... А он молодой?

– Эксперты говорят, что ему лет тридцать – тридцать пять. Но это примерно.

Она нахмурилась. Думала о чём-то своём.

Никита бросил взгляд на её встревоженное лицо и спросил:

– Ты чего нахмурилась-то?

Она, словно очнувшись, не сразу ответила:

– Он, как мой Валерка.

– А твоего Валеру, – спросил он, – в деревне все знают?

– Как раз нет, – ответила она, – может только пара-тройка ребят из молодых. У него в деревне друзей мало. И он же чужак!

Никита вспомнил об операции на позвоночнике и спросил:

– А у него раньше не было перелома позвоночника? Где-то с год назад?

– Не-ет! Я бы знала!

– погоди! Я же сделал снимки. Посмотришь?

Она напряглась, но, немного посомневавшись, кивнула. Он достал свой смартфон, и протянул ей:

– Посмотри в «Галерее».

Светлана открыла и довольно долго перелистывала фото, потом фыркнула:

– Уф-ф, какой кошмар! Нет... Это не он... Не похож.

И она вернула ему смартфон.

Взглянув на неё, Никита понял, что ей полегчало:

– Слушай, Свет! Там на берегу реки я видел следы от шин, которых вчера ещё не было. Хочу их ещё раз внимательно осмотреть. Ты со мной проедешь, или тебя сразу домой подбросить?

Она согласно кивнула:

– Проеду.

Их машина уже выезжала из Вельска по Тракторной. Дорога сегодня производила другое впечатление. Толи событие с утопленником, толи пасмурная погода за окном машины повлияли на их настроение.

Вдоль дороги по обочинам потянулся сначала редкий, а потом всё более густой, сосновый лес с рыжими стволами сосен, вытянувшихся кверху, и качающих в вышине своими прозрачными кронами. На душе у Никиты стало спокойнее.

Через некоторое время промелькнули домики деревеньки под названием «Ельциновская». А потом, подъезжая к развязке с автотрассой «Холмогоры», Никита сбросил скорость. Надо было не пропустить съезд к реке.

Через минуту Никита его увидел, ещё притормозил, аккуратно съехал на грунтовку и остановился. Открыв дверь, он выбрался из машины, и внимательно осмотрел дорогу. Знакомые следы протекторов колёс были отчётливо видны на колее.

Он вновь забрался в машину и аккуратно повёл её к речке, так, чтобы не наехать на ведущие к берегу следы. Света, вытянув шею, тоже следила за отпечатком протекторов.

Уже у воды грунтовка заканчивалась, а следы поворачивали налево, прямо по траве и пятачкам песка, вверх по течению. Никита повернул. Так они на малой скорости ехали до места, где был обнаружен труп. Потом продолжили ехать ещё.

Внезапно Никите сообразил, что с отпечатками что-то не так. Он резко затормозил. Светлана вопросительно взглянула на него. Он, ничего не говоря, выпрыгнул из машины и осторожно подошёл к отпечаткам колёс вчерашней машины.

Когда он осматривал эти следы в первый раз, то ничего подозрительного не заметил. А теперь он понял, что в этом месте машина останавливалась, а потом осторожно трогалась.

Осмотр ивового кустарника на берегу, подходившего почти к самой колее, показал, что через эти кусты, по направлению к реке пробирались двое людей, нагруженных чем-то тяжёлым. Там, хотя и с трудом, на влажном прибрежном песке различались глубокие следы какой-то, возможно спортивной, обуви, шедшие в обоих направлениях. Размер обуви был не очень понятен, но явно больше, чем 42—44. Так же неясен был и её тип: может – кеды, а может – кроссовки. Засняв все эти отпечатки с помощью смартфона, Никита вернулся в машину.

– Ну, что там? – спросила Света.

Никита ответил:

– Следы есть. Думаю, его именно здесь сбросили в реку.

Он достал визитку следователя Буракова, посмотрел номер телефона, набрал его на смартфоне, и, когда тот ответил, сообщил ему:

– Илья Владимирович! Это майор Горбунов. Я тут ещё раз осмотрел эти следы автомобиля на берегу Вели. Есть основание полагать, что тело было привезено на нём и сброшено в реку метрах в пятидесяти выше по течению реки, а потом его потащило потоком воды, и оно зацепилось за железку там, где я на него наткнулся. Я фотки на свой смартфон сделал. Но это же надо как-то запротокोलировать? Верно? Теперь по следам этих колёс можно ведь попробовать поискать машину.

Светлана видела, как он говорил в трубку, как потом кивал в ответ собеседнику. Он производил на неё впечатление человека, на которого можно положиться. Она услышала, как он сказал в конце разговора:

– Хорошо. Я встречу Вас здесь. Когда Вас ждать?

Потом ещё раз кивнул и отключил связь.

Света спросила:

– И что? Он приедет? Когда?

– Приедет. Пообещал часа через два. Тебя домой?

Она молча кивнула.

Никита развернул свой «Тигуан», и повёл его сначала назад, а потом в гору по автомобильной колее, которую ещё утром пробили полицейские, прямо к родительскому дому.

Там он высадил Светлану и загнал свою машину в подклет.

В доме его ждала мать, было тепло, обед приготовлен, и посуда стояла на столе.

Никита чмокнул мать в щеку, вымыл руки в умывальнике, тщательно вытер их сухим полотенцем, и сел за стол.

Людмила Петровна налила ему в тарелку большой половник горячего супа, затем налила и себе. Несколько минут они молча ели, но она изредка посматривала на него. Потом мать подняла на него глаза и спросила:

– Ну, ты что-то узнал в Вельске?

Его ложка, зачерпнув суп из тарелки, повисла в воздухе.

– Мои предположения вроде бы подтверждаются. Через пару часов следователь снова приедет. Есть дополнительные улики.

– А что, есть ещё что-то?

Он утвердительно качнул головой:

– Ну, да. Нашёл кое-что. Судя по следам, труп этого парня могли сюда привезти со стороны Вельска и сбросить в воду. Но он, проплыв метров сто, зацепился за что-то на дне. А машина, что его привезла, уехала назад в сторону города.

Мать охнула и покачала головой. Никита подумал, что с такими событиями ей здесь раньше, пожалуй, не приходилось сталкиваться.

– Так он, значит, не просто утонул? Его кто-то убил?

Никита не стал отрицать этого.

Мама, помолчав, спросила:

– И кто же этот убитый? Неизвестно?

– Нет. Пока не опознали. Но он, вроде, не из наших, не из деревенских. Его никто из понятых не узнал. И участковый тоже не знает. Тут, правда, Света Буторина испугалась, не её ли это муж? От него давно нет известий. Но я показал ей фотки, говорит – не он. И отпечатков пальцев в картотеках нет. Короче, устанавливать личность, похоже, ребятам будет трудно.

Закончив обед, они встали из-за стола, и Никита, как обычно, тщательно перемыл посуду.

Минут через двадцать с улицы донёсся короткий сигнал клаксона легковой машины. Никита выглянул в окошко, увидел остановившийся у их ворот белый «Храу» следователя, махнул рукой Буракову, и вышел, сказав матери, что он поехал с коллегой на берег. Людмила Петровна посмотрела в окно, как Никита сел в машину, и проводила её взглядом, когда она покатила к реке.

7

Светлана быстрым шагом дошла до своего дома, взбежав на крыльцо, шагнула в сени, и тут же вздрогнула. Из комнаты доносился голос Валерия! Она резко распахнула дверь, и вбежала в гостевую комнату. Там за столом сидели её дедушка и бабушка, а напротив них стоял Валерик и, размахивая руками, громко рассказывал что-то про своё возвращение с вахты. На полу стояла ещё неразобранная большая дорожная сумка с вещами. Света прямо с порога бросилась к нему, обняла, поцеловала в щёку, и возмущённо спросила:

– Ну, что же ты, паршивец, не звонил? Я уже волновалась, куда ж ты запропастился?

Валера выглядел усталым и осунувшимся. Тёмные длинные волосы были плохо промыты и спутались. На посеревшем лице глубоко провалились серо-зелёные глаза.

Он тоже чмокнул Светлану в лоб и проговорил:

– Ну, так уж вышло!

Света отстранилась от него и подозрительно поинтересовалась:

– Что-то случилось?

– Ничего не случилось, – проговорил Валера, – просто по дороге домой у меня зарядное сдохло.

– И что, нельзя было купить? – возмутилась она, – Возьми моё, пусть пока заряжается.

Он в ответ пожал плечами.

Света покачала головой и сказала:

– Ну, ладно! Давай чемодан будем распаковывать. И надо же чего-нибудь пообедать. Ба, Де! Вы ещё не пообедали? Может, сядем все вместе?

Дед промолчал. А бабушка ответила:

– Можно и вместе. А ты, зятек, хоть привёз своей Светке что-нибудь в подарок?

– Я и Свете, и Вам с дедом привёз, – отозвался Валера, – сейчас, вот только сумку разберём.

Дед спросил его:

– Валер, а ты домой-то, в Вельск, к своим заезжал? Или прямо к нам?

– Заезжал, – кивнул тот, – заночевал у них. А сегодня – к вам.

Елена Васильевна грузно поднялась, и начала накрывать на стол. Николай Алексеевич, кряхтя, тоже встал, и вышел зачем-то в соседнюю комнату.

Валера разбирал чемодан, вытаскивая из него свои личные вещи, передавал их Светлане, а она укладывала их на полки в шкаф. Наконец он достал из чемодана бумажный свёрток и протянул ей со словами:

– А ну, разверни-ка!

Света достала из свёртка сложенный женский джемпер из бело-розовой шерсти, развернула его, подошла к зеркалу и приложила на грудь. Повертелась немного и поблагодарила его, чмокнув в щёку.

– Нравится? – спросил Валера.

– Ничего так! – глядя на себя в зеркало, ответила Светлана.

– Ничего-о?

– Да, нравится, нравится!

Елена Васильевна, раскладывая на столе ложки и вилки, бросила взгляд на Свету и сказала с ехидцей:

– Это всё, что ты за три месяца наработал?

Света, пытаясь сгладить бабушкину колкость, проворчала:

– Ба, ну ты что? Хороший джемпер.

Валерий, продолжая извлекать из чемодана покупки, повернулся к бабушке, и проговорил:

– Зря Вы так, Елена Васильевна! Вот смотрите, это я Вам привёз.

И он встряхнул перед ней белый пуховый платок:

– «Метелица» называется. Очень тонкий и тёплый!

Елена Васильевна ответила:

– Ну, спасибо тебе зятёк! А, дайка, я угадаю, что ты деду привёз? Поди, рукавички?

Вошедший в комнату с графинчиком самогонки дед, остановился и, сощурился насмешливо глаз, уставился на Валеру.

Валера вытащил ещё один свёрток, и на свет появились меховые рукавицы.

Дед крякнул, и, засмеявшись, сказал:

– Ну, ты бабушка, колдовка! И сколь же ты, Валерик, потратился на подарки-то?

Тот сконфузился, и неохотно ответил:

– Ну-у, тысячи четыре!

Елена Васильевна, вздохнув, снисходительно сказала:

– Ладно! Давайте уже за стол садиться будем.

Обед получился не очень оживлённый.

Все по большей части молчали, а говорил, в основном, Валера. Он наливал, выпивал, закусывал, и почти всё время говорил, говорил, говорил... Это и понятно – его ведь не было уже давно, больше трёх месяцев, и у него накопилось немало впечатлений за это время. Хотя сами эти впечатления были не очень-то интересны присутствующим за столом, так как люди, о которых он рассказывал, здесь были никому не известны. А события, связанные с его вахтовыми делами, не особенно понятны.

Рада была, пожалуй, только Светлана. Да и то, со стороны могло показаться, что она довольна главным образом тем, что наконец-то вернулся её парень. Но ей всё время было немного совестно за него перед бабушкой и дедушкой, за это почти неприкрытое Валерино хвастовство.

Она волновалась, понимая, что когда закончится обед, он захочет уединиться с ней по другую сторону сеней в их комнате, которая была перестроена из летней избы.

Так и случилось. Там он сразу повалил её на кровать, и стал резкими движениями срывать с неё одежду. Всё портил сильный запах самогона, который, как всегда, вызвал у неё отвращение.

Она поняла, что ей опять не суждено испытать то, чего она всегда так хотела.

Поэтому, закрыв глаза, она ждала, когда он, наконец, утолит свою похоть. Но она всё-таки, более или менее, осталась довольна тем, что он, наконец, вернулся. Она уговаривала себя, что у неё, как и положено настоящей женщине, есть какой-никакой мужчина. И, главное, он её хочет и, значит, любит.

Валерий откинулся на спину и расслабился. Через несколько минут он встал с кровати, натянул на себя спортивный костюм и сказал:

– Пойду, покурю.

После этого он нетвёрдо шагнул за дверь.

Она поняла, что их свидание окончено, села в кровати и, немного посидев, решила, что, раз уж так, то и ей можно вставать. Она привела себя в порядок, поправила постель и вышла в сени.

Через открытую на крыльцо дверь до неё доносились голоса деда и Валеры. Они обсуждали, хороша ли нынче рыбалка. А ей тут же вспомнилось, что Валера, за все годы знакомства с ней, ни разу не ходил рыбачить.

Светлана вошла в большую комнату, и увидела сидящую у окна бабушку, ловко работающую спицами, и вяжущую что-то из двухцветной шерсти. Клубки катались в миске у её ног. Она присела рядом и, обняв бабушку за плечи, спросила:

– Ну как твой кашель, бабуль? Прошёл, вроде?

Та в ответ слегка качнула головой, опустив руки со спицами на колени:

– Вроде бы прошёл. Почти... Ну, что утолила его?

– Ба! – набычилась Светлана.

– Ну, а что? Разве я не права? – Елена Васильевна явно жалела внучку.

– Да, права, права... – Светлана опустила глаза, – но ведь он же ко мне возвращается всякий раз! Значит, любит?

– А ты? Ты его любишь? – бабушка продолжала сердиться, – Или так просто, лишь бы свой мужик был, прикормленный?

– Ну, почему ты всё время...? – опять попыталась отбиться Светлана.

– А вот ты скажи, – бабушка смотрела ей в глаза, – он опять предохранялся?

Света пожала плечами и ничего не ответила, отведя глаза в сторону.

Елена Васильевна покачала головой:

– Э-эх! Ты так долго ещё детишек своих не увидишь!

Открылась дверь, вошёл Валерий и, дохнув на неё сивухой и табаком, весело проговорил:

– Слушай, Свет! Я схожу, пожалуй, пацанов проведу? А то давно уж не видались!

Светлана вздохнула, поняв, что всё опять будет как всегда, и ответила:

– Ты только не долго, и не пей сильно!

Валера вышел из дому, и, спустившись с крыльца во двор, развязно попрощался с Николаем Алексеевичем:

– Пока, дед! Не скучайте тут без меня!

И позади него хлопнула калитка. Во дворе и в доме вновь стало тихо.

К вечеру Светлана всё чаще выглядывала в окно, ожидая возвращения Валеры. Но его всё не было. Наконец, уже затемно, стукнула калитка во дворе. Света вышла его встретить. Он, судя по походке, был сильно пьян и, когда заговорил, стало ясно, что у него и это получается не очень-то связно:

– О-о! Светланка! Ты меня встречаешь!?! Моя ты прелесть!

И он повис на ней, еле-еле ворочая языком и ногами.

– Тише-тише, – Света осторожно повела его в дом, стараясь не особенно шуметь.

На крыльце он споткнулся о порог, и она чуть было не упала вместе с ним в темноте на пол.

Добравшись кое-как до своей комнаты, она уронила его на постель и начала стаскивать с него сначала кеды, потом футболку и штаны. Перевернув его на бок, она подсунула ему под голову подушку и накрыла сверху покрывалом. Он сразу же засопел.

Стоя над ним, пьяным, Светлана посомневалась, но потом решительно схватила подушку и, ушла в свою маленькую детскую комнатку на чердаке. Она не хотела спать рядом с пьяным мужем, нюхать эту его табачно-сивушную вонь.

А наверху она, уже засыпая, проваливаясь в сладкую дрему, почему-то подумала, что Никита так бы себя не повёл после долгой разлуки.

Потом мелькнула сонная мысль, что у того тоже есть своя женщина. И ей не надо бы о нём думать.

Проснулась она очень рано. За окном было пасмурно, и только что начинало светать. Немного полежав в постели, она села и потянулась. На электронных часах, стоявших на старой тумбочке, светилась цифра 5:03.

В комнатке было холодно, и она, встав, сняла с гвоздя и надела свой старый тёплый халат. Спустившись по скрипучей лесенке и приоткрыв дверь, Светлана заглянула в спальню

к Валере. Он спал лицом вниз, раскинувшись по кровати. Рядом на стуле лежали его скомканные брюки. Она решила сложить их аккуратно, и вошла в спальню. Взяв брюки за пояс, осторожно потянула их на себя, и тут к её ногам, стукнув о пол, упал его телефон.

Светлана вздрогнула, но он не проснулся.

Интересно, кому он, хоть, звонит? Она подняла телефон и заглянула в его контакты. Там было не так много абонентов, человек восемнадцать-двадцать. Судя по кодам операторов, больше половины – нездешние, Якутские. Но были и местные: «Вымпелком» (952), МТС (911) и другие. Все местные абоненты были только с именами, и все – с мужскими. Но была и женщина. Валера записал её игриво, как Танюшку. Фото на контакте отсутствовало. Света просмотрела Валерины звонки: он звонил этой Танюшке ещё позавчера. Ишь ты! Что же это за фря такая?

В комнате было душно. Тяжёлый дух пьяного мужа мутил ей голову. Света сунула телефон обратно в карман брюк и аккуратно повесила их на спинку стула. Поговорим, когда выспится.

8

Утром, как обычно, несмотря на то, что на улице стало ещё холоднее, Никита, после пробежки и обливания холодной водой, зашёл в дом. Людмила Петровна уже давно проснулась. В комнате стоял знакомый вкусный запах, было уютно и тепло от нагретой печи. Он обнял её и спросил с любопытством:

– Что у нас на завтрак, мамуль, пироги? А с чем?

– Отгадай.

Он сосредоточился, пытаясь разобрать запах начинки, и уверенно ответил:

– С рыбой?

– Ага. Угадал. Садись, давай.

Они сели за стол, на котором попыхивал большой самовар, который грелся по-старинному с помощью щепы и угольков. На верхней конфорке красовался пузатый расписной фаянсовый чайник для заварки.

Мать отрезала кусок ещё горячего рыбника, и от него пошёл вкуснейший аромат. Никита положил себе в тарелку этот кусок и начал есть его с аппетитом.

«Всё, как в детстве», – думал он.

Улыбнувшись этой своей мысли, он спросил:

– Мам, а пирог-то с треской?

– Да, с треской, ответила мать, – а что? Недорого и очень вкусно.

– Ага, вкусотища! – кивнул Никита, не переставая с аппетитом жевать вкусную начинку.

Неожиданно ожил его смартфон. Никита взглянул на экран.

Звонила его Ира. Он ответил:

– Да, Ирусь? Слушаю тебя.

Людмила Петровна насторожилась, и внимательно посмотрела на сына. А у того загорелся взгляд, он улыбался и говорил, радостно кивая головой:

– Конечно! Встречу. Слушай, ты такая молодец! Я уже соскучился без тебя. Давай, приезжай! Жду!

Он сбросил звонок и возбуждённо проговорил:

– Ирке дали маленький отпуск, и она к нам едет поездом. Взяла билет на «Воркутинский» на сегодня. Он, правда, прибывает неудобно, в половине четвёртого утра. Ну, ничего! Съезжу, встречу?

Людмила Петровна взволнованно отозвалась:

– Ну, конечно! Встреть! А как же иначе? Не сидеть же ей в Вельске на вокзале до утра. Слушай, тогда надо прибраться в доме, да приготовить ей ночлег!

– Ночлег? Ну, можно и со мной на вышке, – проговорил он, – там комнатка маленькая, но тёплая. Только отнесу туда ещё один матрац, да одеяло. А у нас где-то есть ещё матрац? А одеяло?

– Есть, в «струбах», пойдём, покажу, – сказала Людмила Петровна.¹⁶

Они отправились в летнюю избу. Там мать быстро отыскала запасной матрац, одеяло и подушку. Он решил, что Иру положит на односпальную кровать. А себе постелет на полу. Потом он принёс в ведре воды, промыл в вышке пол, и постелил на кровать свежую постель.

Разложив на полу матрац, он застелил его простыней, покрыл всё это одеялом и сверху водрузил подушку в чистой наволочке. Оценив свою работу, он решил, что всё выглядит совсем неплохо.

¹⁶ Неотапливаемая часть дома, летняя изба

Вот только, если будем селиться здесь навсегда, надо будет, как-то по-другому обжиться. Ему вдруг пришло в голову, что Ирине вряд ли всё это покажется подходящим.

Она ж, блин, из какой семьи? Всю жизнь прожили с ванной и санузлом!

Настроение у него сразу ухудшилось.

Когда он спустился вниз, неожиданно позвонил капитан Вешняков:

– Новость хочешь, майор?

– Ну? – отозвался Никита.

Вешняков говорил возбуждённо:

– Наш Игорёк, похоже, через чур легко справился с заданием. Он выяснил данные убийтого! Эту вертепо..., в общем, эту пластику сделали в Московском Научно-медицинском центре имени Н. Н. Приорова в Отделении спортивной травмы №4. Представляешь? Он же эту клинику первой набрал, и тут же попал. Везунчик, блин!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.